

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Как профукаать
ПРАЗДНИК
ВЛЮБИТЬСЯ В ВИНОВНИКА

Екатерина Мордвинцева
Как профукать праздник.
Влюбиться в виновника

<https://litres.ru/74276119>

Аннотация

Она ненавидела его с первой секунды. Он влетел в её жизнь на встречной полосе, разбил машину, отправил подругу в больницу — и сделал так, что они не успели на тот самый рейс. Рейс, который пропал над океаном. Теперь Ольга ждёт. Ждёт новостей, которых нет. Ждёт чуда, которое не приходит. А Андрей ждёт её. И не уходит. Даже когда она просит. Даже когда отталкивает. Даже когда говорит, что не имеет права на счастье.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Глава 2	40
Глава 3	61
Глава 4	80
Глава 5	101
Глава 6	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пролог

Я смотрела на табло вылета, и внутри всё сжималось от какого-то нехорошего предчувствия.

Огромные буквы бежали по электронному экрану, сменяя рейсы, направления, времена. Статус: «РЕГИСТРАЦИЯ ЗАКРЫТА». Я знала это ещё до того, как подняла голову. Знала, когда мы только выезжали из города. Знала, когда таксист, нервно матерясь, вдавил педаль тормоза в пол. Знала, когда увидела, как белая иномарка летит прямо на нас по встречной полосе, её фары — два хищных глаза во тьме декабрьского вечера.

Я знала, что мы не успеем. Но до этого момента, стоя под этими холодными цифрами, я ещё надеялась на чудо. На то, что рейс задержат, что пробка рассосётся, что ГИБДД оформит всё быстрее, что время, которое так жестоко утекало сквозь пальцы, вдруг сжалится и остановится.

Чудес не случилось.

В руке всё ещё вибрировал телефон — Маша звонила уже в третий раз, но я не могла ответить. Не потому, что не хотела. Просто пальцы дрожали так сильно, что я боялась уронить трубку в сугроб, мимо которого мы только что проехали на такси. Боялась, что если сейчас отвечу, если услышу её голос — весёлый, возбуждённый, полный предвкушения, — то разревусь. А разреветься здесь, на улице, где ветер ледя-

ными пальцами забирался под шарф, где редкие прохожие торопились к своим праздникам, где этот... этот тип в дорогом пальто всё ещё расхаживал неподалёку с видом оскорблённого величия, — разревётся здесь было нельзя.

Я не имела права.

Телефон затих, потом снова ожил. На этот раз — сообщение от Жени: «Мы на регистрации. Ингу не отпустили. Вы где???»

Три вопросительных знака. Я почти слышала её голос — резкий, требовательный, не терпящий оправданий. Женька всегда была такой. Схватить быка за рога, не ныть, не жаловаться. Я иногда завидовала этой её жёсткости.

Сейчас бы пригодилась.

Я набрала ответ дрожащими пальцами, несколько раз промахиваясь мимо нужных букв, стирая, начиная заново: «Попали в аварию. Крис в больнице. Я жду ГИБДД. Летите без нас. Мы позже...»

«Позже». Какое дурацкое слово. Оно звучало так, будто у нас в запасе была вечность. Будто билеты можно было просто поменять, будто отпуск можно было отмотать назад, будто время работало на нас, а не против.

«Позже».

Я отправила сообщение и убрала телефон в карман куртки, подальше от греха. Потому что если бы он снова завибрировал, если бы я увидела на экране «Маша звонит» или «Женя звонит» или «Даша», я бы не выдержала. Я бы просто

села прямо здесь, в снег, и завывала.

— Оля, ты как?

Голос Кристины из динамика таксиста — она попросила его не сбрасывать звонок, пока он меня везёт, и парень, худой, с вечно испуганным лицом, кивнул, даже не подумав отказывать. Я была ему благодарна. В этом хаосе, в этом вечере, когда всё пошло наперекосяк, его молчаливое «да, конечно» было единственной вещью, которая не разваливалась на части.

— Оля, ты меня слышишь? — Крис говорила глухо, с той эхающей ноткой, которая бывает в больничных палатах — казённых, стерильных, пахнущих хлоркой и тревогой. — Я сейчас позвоню девчонкам, скажу, чтобы вылетали без нас. Ты в порядке? Ты молчишь...

— Я в порядке, — наконец выдавила я, и голос прозвучал так, будто я откашлялась после долгого пути по пустыне. — Я в полном порядке.

Это было не совсем правдой.

Локоть саднил — я приложила его при ударе, и теперь под рукавом куртки, наверное, расплывался фиолетовый синяк размером с кулак. В висках стучало, словно кто-то маленький и очень настойчивый колотил изнутри молоточком. Перед глазами всё ещё стояла картина: снег, летящий в лобовое стекло, визг тормозов, который резал уши острее ножа, и белая иномарка, вылетевшая на встречную полосу так внезапно, будто её выбросило из другого измерения.

Я помню, как время замедлилось. Помню каждую деталь: блеск льда на асфальте, отражённый в фарах, лицо водителя той машины — белое, перекошенное от ужаса, руки, вцепившиеся в руль. Помню, как Крис закричала. Как таксист вывернул руль, пытаясь уйти от удара, но было поздно. Лёд не прощает ошибок. Ничьих.

Удар был страшный. Металл застонал, стекло посыпалось дождём осколков, меня бросило вперёд, ремень безопасности впился в плечо, и на секунду мир превратился в какофонию — скрежет, крики, запах горелой резины и бензина, ударивший в нос.

А потом наступила тишина.

Самая страшная тишина в моей жизни.

Я очнулась от того, что кто-то тряс меня за плечо.

— Девушка! Девушка, вы живы?

Я открыла глаза. Мир был наклонён. Я смотрела на потолок машины, который почему-то оказался слишком близко, и не сразу поняла, что мы лежим на боку. Ремень безопасности врезался в живот, дышать было больно.

— Девушка! — голос был мужским, настойчивым.

— Жива, — прохрипела я. — Жива.

Меня отстегнули, вытащили через водительскую дверь — таксист уже выбрался наружу и теперь, бледный как смерть, помогал мне встать на ноги. Ноги держали. Это было хорошим знаком.

— Кристина! — я рванулась назад, к машине. — Там моя

подруга!

— Её уже достают, — сказал кто-то из подбежавших прохожих. — Скорую вызвали, всё будет хорошо.

Крестину вытаскивали с пассажирского сиденья. Она была в сознании, но бледная, и глаза у неё были какие-то стеклянные, невидящие.

— Крис! — я подбежала к ней, схватила за руку. — Ты меня слышишь?

— Оля, — она моргнула, и в её взгляде появилась осмысленность. — Оля, что случилось?

— В нас врезались. Ты как?

— Голова кружится, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Сильно кружится.

Подъехала скорая, мигалки рассекали темноту красными и белыми вспышками. Фельдшер быстро осмотрел нас обеих. Крестине измерил давление, посветил фонариком в глаза, задал несколько вопросов, на которые она отвечала с заминкой, словно слова давались ей с трудом.

— У неё сотрясение, — сказал он. — Нужно в больницу, на обследование.

— Я с ней, — сказала я сразу, даже не думая.

— Вам тоже нужно осмотреться, — он посмотрел на меня. — Как голова?

— Не болит, — соврала я.

Врач усмехнулся краешком губ — видимо, такие «не болит» он слышал сотни раз.

— Всё равно нужно проверить. Адреналин сейчас всё глотит, а потом может прилететь.

Но меня не повезли. Потому что приехала ГИБДД, потому что нужно было оформлять документы, потому что таксист, у которого тряслись руки, не мог ничего толком объяснить, а виновник аварии — этот человек в дорогом пальто, который, как выяснилось, вылетел на встречную, пытаясь обогнать фуру на скользкой дороге, — уже разговаривал по телефону с кем-то, кто, судя по его спокойному тону, был либо адвокатом, либо очень терпеливым ангелом-хранителем.

— Я останусь, — сказала я Кристине, когда её загружали в скорую. — Я всё оформлю и приеду к тебе.

— Ты уверена? — она смотрела на меня с тревогой, и в её глазах, несмотря на сотрясение, было столько беспокойства, что у меня сжалось сердце.

— Уверена. Летите без нас, — добавила я, потому что вдруг поняла: мы не успеваем. Уже не успеваем. — Я позволю девчонкам, скажу.

Кристина кивнула, и дверь скорой закрылась, отрезая её от меня.

Я осталась одна на дороге, среди осколков стекла, хрустевших под ногами, и равнодушных фонарей, освещавших эту картину крушения наших планов.

— Вызвали уже ГИБДД? — спросила я у подошедшего полицейского, чувствуя, как злость начинает перекрывать страх.

— Ждём, — коротко бросил он и отошёл к своей машине.

Холод пробирался под куртку. Я подняла воротник, втянула голову в плечи и посмотрела на часы. До вылета — час. Или уже меньше? Я снова взглянула на табло, которое видела сквозь стеклянные двери аэропорта — там, в сотне метров от меня, за этим барьером из стекла и стали, находился мир, который должен был стать нашим. Мир, где пахло кофе и новыми возможностями, где голос диктора объявлял посадку на рейсы, уносящие в тепло, где наши подруги — Маша, Женя, Даша — сейчас проходили регистрацию, смеялись, строили планы, не зная, что нас с Кристиной уже нет в этом мире.

Мы выпали из него в тот момент, когда белая иномарка врезалась в наше такси.

Я достала телефон и увидела сообщение от Жени: «Мы на регистрации. Ингу не отпустили. Вы где?»

Набрала ответ. Отправила.

«Попали в аварию. Крис в больнице. Я жду ГИБДД. Летите без нас. Мы позже...»

«Позже».

Смешно. Будто время можно обмануть. Будто можно сказать ему «подожди» и оно послушается.

Телефон снова завибрировал. Женя: «Что значит в аварию??? Вы как?»

Потом Маша: «Оля, твою мать, ты нас пугаешь!»

Потом Даша: «Мы не полетим без вас!»

Я хотела ответить, но пальцы замёрзли, а слова кончились. Что я могла им сказать? «Всё хорошо»? Это была бы ложь. «Мы живы»? Да, живы. Но этого было недостаточно, чтобы унять их тревогу, которая уже наверняка пульсировала в каждом сообщении, в каждой пропущенной секунде.

Я убрала телефон.

И тут же услышала шаги за спиной.

— Девушка.

Голос был низкий, спокойный. Слишком спокойный для человека, который только что разбил две машины и отправил человека в больницу. Я обернулась и оказалась лицом к лицу с виновником аварии.

Он стоял слишком близко. Нарушал мои личные границы так же бесцеремонно, как только что нарушил правила дорожного движения. Мне пришлось сделать шаг назад, чтобы не чувствовать запах его парфюма — дорогого, с горьковатыми нотами кожи и можжевельника. Вкусного, чёрт возьми. Я ненавидела себя за то, что заметила это.

— Что вам нужно? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. Но я не стала смягчать интонацию. С какой стати я должна быть вежливой с человеком, который разрушил наш отпуск, покалечил мою подругу и теперь стоит передо мной в своём безупречном пальто, с идеально уложенными волосами, с этим невозмутимым выражением лица, будто он опоздал на совещание, а не совершил аварию?

— Хотел убедиться, что вы в порядке. — Он говорил спо-

койно, но в глазах мелькнуло что-то похожее на искреннее беспокойство. Или мне показалось? Свет фонарей падал на его лицо, выхватывая резкие скулы, твёрдую линию подбородка, глубоко посаженные глаза, цвет которых я не могла разобрать в темноте.

— В порядке? — я усмехнулась, хотя усмешка вышла криковой. Губы не слушались — то ли от холода, то ли от гнева. — Моя подруга в больнице с сотрясением. Я опоздала на самолёт, на который мы с девчонками планировали этот отпуск полгода. Полгода, вы представляете? Мы выбирали отели, покупали купальники, составляли список того, что обязательно нужно сделать. И всё это — в никуда. И всё потому, что кто-то решил, что его деловая встреча важнее правил дорожного движения. Важнее человеческих жизней.

Он помолчал секунду. Я заметила, как дёрнулся его кадык — он сглотнул.

— Я оплачу лечение вашей подруги, — сказал он. — И билеты. И любые другие расходы.

— Деньги всё исправят, да? — я почувствовала, как к щекам приливает жар, хотя на улице было минус пятнадцать. — Вы думаете, что если выкинете пару купюр, то всё встанет на свои места? Кристина очнётся в больнице и скажет: «Ой, как хорошо, что мне заплатили, теперь я счастлива»? Мы сядем на следующий самолёт и сделаем вид, что ничего не случилось?

— Я этого не говорил.

— Вы не говорили, — согласилась я. — Вы просто предлагаете купить моё молчание. Или моё прощение. Или что там вы пытаетесь купить?

Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отступила. Это его, кажется, задело — в глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление. Или обиду? Нет, не может быть. У таких, как он, нет обид. У них есть только расчёты, сделки и деньги.

— Я не пытаюсь ничего купить, — сказал он. — Я пытаюсь помочь. И да, я понимаю, что сейчас для вас это звучит как пустой звук. Но я действительно сожалею о том, что произошло.

— Сожалеете, — повторила я, и это слово прозвучало как плевок. — Вы сожалеете. А моя подруга лежит в больнице с сотрясением. А наши подруги сейчас сидят в самолёте и волнуются, потому что мы не приехали. А я стою здесь, на морозе, и разговариваю с человеком, который чуть не убил нас, потому что торопился на встречу с партнёрами.

Он молчал. Просто смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, что сбивало меня с толку. Я ожидала увидеть высокомерие, раздражение, нетерпение — что угодно, кроме этой странной, неожиданной тишины. Он не оправдывался, не перебивал, не пытался давить авторитетом или статусом.

Он просто стоял и слушал.

Это бесило ещё больше.

— Вы хотя бы понимаете, что мы могли погибнуть? — спросила я, и голос дрогнул. — Что если бы таксист не вы-

вернул руль, если бы удар пришёлся в мою дверь, а не в заднюю часть... Вы понимаете?

— Понимаю, — ответил он, и в его голосе вдруг исчезла деловая холодность. Осталась только голая, неприкрытая правда. — Поэтому и предлагаю помощь. Не потому что хочу откупиться. А потому что я виноват.

Эти слова — «я виноват» — прозвучали так неожиданно, что я не нашлась с ответом.

Я ожидала чего угодно: юридических уловок, попыток переложить вину на таксиста, на погоду, на дорогу, на что-то ещё. Но не этого. Не прямого, безоговорочного признания своей вины.

Я отвернулась, не в силах больше смотреть на него. Внутри всё кипело, но сил на скандал уже не было. Только тупая усталость, разливающаяся по телу тяжёлым свинцом, и где-то глубоко — страх. Страх, что мы не успеем. Что отпуск, который мы так долго планировали, рассыпается в прах. Что подруги улетят без нас, а мы останемся здесь, в этом холодном декабрьском городе, с осколками надежд и билетами, которые никто не вернёт.

— Ольга, да? — услышала я его голос.

Я вздрогнула. Не от холода — от того, как он произнёс моё имя. Мягко, с какой-то странной осторожностью, будто пробовал на вкус.

— Откуда вы знаете?

— Ваша подруга кричала ваше имя, когда её загружали в

скороую. — Он сделал паузу. — Она очень за вас волновалась.

Я промолчала. Ком в горле мешал говорить.

— Меня зовут Андрей.

— Мне всё равно, — ответила я, не оборачиваясь.

И это было правдой. Мне было всё равно, как его зовут, сколько ему лет, чем он занимается и сколько зарабатывает. Он был для меня не человеком — функцией. Виновником. Препятствием на пути к счастью, которое мы так долго строили.

Сзади послышался шум подъезжающей машины. Я обернулась — ещё одна машина ДПС. Наконец-то.

Я сделала шаг в сторону полицейских, чувствуя спиной его взгляд. Он не двинулся с места, но я кожей ощущала этот взгляд — тяжёлый, пристальный, как будто он пытался прочесть что-то на моей спине, написанное невидимыми чернилами.

Я почти дошла до служебной машины, когда услышала:

— Ольга. Я всё равно всё оплачу.

Я не ответила. Не обернулась. Просто продолжала идти, оставляя его позади — в темноте декабрьского вечера, среди осколков стекла и разрушенных планов.

Оформление заняло больше времени, чем я думала. Полицейские записывали показания, составляли схему, фотографировали повреждения. Виновник — Андрей, как же, запомнила, чёрт бы его побрал — разговаривал с ними спокойно, без тени волнения, словно участвовал в рутинной деловой

вой процедуре. У него, в отличие от таксиста, руки не тряслись. У него, в отличие от меня, зубы не стучали от холода.

Я стояла в стороне, кутаясь в куртку, и смотрела на телефон, который то и дело вздрагивал от новых сообщений.

Женя: «Мы на посадке. Оля, ты как? Крис как?»

Маша: «Мы не можем дозвониться до Кристины. Она в какой больнице?»

Даша: «Может, нам остаться? Без вас как-то не то...»

Я ответила только Жене: «Крис в 7-й городской. Сотрясение. Я жду документы. Вы летите. Мы всё равно не успеваем. Встретимся там, когда я прилечу следующим рейсом».

Следующим рейсом. Оптимизм, который я не чувствовала. Я понятия не имела, когда мы сможем вылететь. Кристине нужен отдых, врачи вряд ли отпустят её сразу. А без неё я не полечу. Не потому, что не хотела — потому что не могла. Оставить подругу в больнице, под Новый год, одну? Нет. Ни за что.

— Всё, девушка, — полицейский протянул мне бумагу. — Распишитесь.

Я расписалась дрожащей рукой, даже не читая, что там написано. Потом поймала такси — другое, целое, без вмятин и разбитых стёкол — и назвала адрес седьмой городской больницы.

По дороге я смотрела в окно на огни города. Москва готовилась к празднику. Витрины магазинов сияли гирляндами, на каждом углу стояли ёлки, люди с пакетами подарков спе-

шили по своим делам. Мир жил своей жизнью, праздничной, радостной, предвкушающей чудо.

А для меня чуда не случилось.

В больнице меня пропустили не сразу. Дежурная медсестра, женщина с усталым лицом и седыми волосами, долго сверялась с какими-то списками, потом сказала:

— Фролова Кристина? Вторая палата, третий этаж. Состояние стабильное, не волнуйтесь.

Я поднялась на лифте, прошла по длинному коридору, пахнущему лекарствами и почему-то мандаринами — видимо, кто-то из персонала уже украшал палаты к празднику. Нашла вторую, толкнула дверь.

Кристина лежала на койке, бледная, с капельницей в руке, но живая. Живая. Это было главным.

— Оля, — она повернула голову, и на её лице появилась слабая улыбка. — Ты приехала.

— Конечно, приехала, — я подошла к кровати, села на стул, который стоял рядом, и взяла её за руку. — Как ты?

— Нормально, — она поморщилась. — Голова немного кружится. Врач сказал, что если завтра будет лучше, отпустят домой.

— Хорошо.

— Девчонки... — она посмотрела на меня с тревогой. — Они вылетели?

Я кивнула. В горле снова встал ком.

— Да. Вылетели.

— А мы? — Кристина сжала мою руку. — Мы успеем?

— Не знаю, — честно ответила я. — Не знаю, Крис.

Она вздохнула и закрыла глаза.

— Какая же дрянь этот тип, — сказала она тихо. — Чуть не угробил нас из-за своей встречи.

— Согласна.

— И вид у него был такой... самодовольный. В костюме дорогом, с телефоном, как у статуи.

— Я заметила.

— А ты заметила, что он на тебя смотрел? — Кристина приоткрыла один глаз.

— Что? — я не поняла.

— Когда скорую ждали. Он на тебя смотрел. Не на машины, не на полицию, не в телефон свой. На тебя.

— Тебе показалось, — отрезала я. — У тебя сотрясение, у тебя всё может казаться.

Кристина хмыкнула, но спорить не стала. Только сжала мою руку сильнее.

Мы сидели молча. За окном больницы светились окна других палат — в них тоже были люди, чьи праздники отменились, чьи планы разрушились, чьи жизни пошли не по намеченному пути. Мы были одни из многих, но это не делало нашу боль менее острой.

Я достала телефон. В чате подруг было уже больше пятидесяти сообщений — Маша, Женя, Даша писали по очереди, переживали, спрашивали, предлагали остаться, требова-

ли ответов. Инга, та, что не смогла вылететь из-за работы, тоже подключилась, писала, что если что, она готова приехать к нам в любую минуту.

Я ответила всем коротко: «Крис в порядке. Я с ней. Вылетите. Мы найдём способ прилететь позже. Всё будет хорошо».

«Всё будет хорошо».

Я врала. И знала это. Но иногда ложь — единственное, что держит нас на плаву.

Потом я открыла приложение с новостями, чтобы отвлечься, и наткнулась на сообщение о нашем рейсе — Москва — Пхукет, вылет 23:55. Заголовок гласил: «Рейс вылетел по расписанию, на борту 189 пассажиров».

Я прочитала это дважды, потом закрыла приложение.

Мы не успели. Мы не успели на этот самолёт.

И в тот момент я ещё не знала, что это «не успели» спасёт нам жизнь.

Я просто сидела в больничной палате, держала за руку подругу, смотрела на капельницу и думала о том, как мы будем искать билеты на следующий рейс, как объясним начальству, что задерживаемся, как будем догонять подруг в этом тёплом раю, который так долго планировали.

Я думала о том, что праздник испорчен, но не отменён.

Я думала о том, что мы справимся.

Я думала о том, что самое страшное уже позади.

И я ошибалась.

Самое страшное было впереди.

Глава 1

Больничная палата пахла хлоркой, лекарствами и почему-то мандаринами.

Этот запах преследовал меня с самого вечера — он витал в коридорах, забивался в лифт, просачивался сквозь неплотно прикрытые двери палат. Кто-то из персонала, видимо, решил создать праздничное настроение и разложил по тумбочкам оранжевые шары, пахнущие детством и Новым годом. Запах был такой родной, такой домашний, что от него почему-то хотелось плакать больше, чем от всего остального.

Я сидела на жестком пластиковом стуле, который притащила из коридора, потому что тот, что стоял у кровати Кристины, был расшатан и норовил сложиться в любой момент. Спина затекла, шея ныла от того, что я постоянно смотрела то на подругу, то в окно, то на телефон, который лежал на подоконнике экраном вниз. Я специально положила его так, чтобы не видеть уведомлений. Чтобы не мучиться вопросом: долетели или нет? Чтобы не проверять каждые пять минут, не появились ли новые сообщения в чате.

Кристина спала.

Врач сказал, что сон — лучшее лекарство после сотрясения. Сказал, что если всё пойдёт хорошо, завтра, тридцать первого, её отправят домой. Сказал, что праздник ей не противопоказан, главное — никакого алкоголя и громкой музы-

ки. Сказал, что она молодая, сильная, быстро восстановится.

Я слушала его и кивала, но внутри всё сжималось от мысли, что мы пропустили этот рейс. Что подружки сейчас, наверное, уже где-то над Уралом или даже над Сибирью, пьют шампанское в пластиковых стаканчиках, смеются, фотографируют крыло самолёта в иллюминаторе, строят планы на первую встречу на пляже.

А мы здесь.

В палате с казёнными стенами цвета увядшей мяты, с занавесками, которые помнили ещё девяностые, с телевизором на кронштейне, который показывал только три канала и тот с помехами.

Я посмотрела на часы. Половина одиннадцатого.

Через полтора часа наступит Новый год.

Новый год, который мы планировали встречать в лёгких платьях на тёплом пляже, с бокалами в руках и фейерверками над океаном. Новый год, который мы репетировали в уме сотню раз, примеряя наряды и обсуждая, кто что скажет в новогоднюю ночь, когда камера подруг пойдёт по кругу.

Теперь мы будем встречать его здесь. Я — на пластиковом стуле. Кристина — на больничной койке.

Ирония судьбы.

— Оль? — голос Кристины был хриплым, сонным. Она повернула голову на подушке, и свет ночника упал на её лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, но с уже более осмысленным взглядом, чем вечером. — Ты ещё здесь?

— А где мне быть? — я попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

— Домой могла поехать. Отдохнуть.

— И оставить тебя одну? В новогоднюю ночь? — я фыркнула. — Крис, ты меня вообще знаешь?

Она слабо улыбнулась в ответ.

— Знаю. Ты всегда была той, кто остаётся.

— Что значит «остаётся»?

— Ну, помнишь, в школе? Когда все разбегались по каникулам, а ты оставалась в классе убираться после последнего звонка. Когда никто не хотел дежурить на субботнике, ты шла. Когда у кого-то из нас были проблемы, ты первая предлагала помощь.

— Это называется ответственность, — сказала я. — И вообще, не надо меня идеализировать.

— Не идеализирую, — Кристина прикрыла глаза. — Просто говорю, какая ты есть. Хорошая.

— Спасибо, — я сжала её руку, которую держала в своей. — Ты тоже хорошая. Даже когда вечно недовольная и всех тормозишь.

— Я не торможу, — возмутилась она слабым голосом.

— Тормозишь. Помнишь, как в прошлом году мы хотели поехать на горнолыжку, а ты сказала, что не хочешь ломать ноги?

— И правильно сказала, между прочим. Лера потом на этих лыжах... как её... в сугробе что-то сломала.

— Палку, — напомнила я. — Она сломала палку. А не ногу.

— Всё равно, — Кристина открыла глаза и посмотрела на меня с хитринкой, которую я так любила в ней. — У меня чуйка.

— Чуйка, — я усмехнулась. — А сегодня твоя чуйка сработала?

Она помолчала.

— Сегодня... — голос её стал серьёзным. — Сегодня я почему-то не хотела лететь. С самого утра. Думала, что это просто настроение. Не выспалась, мол. А теперь...

Она замолчала.

— А теперь? — спросила я тихо.

— А теперь думаю, может, это был знак.

Мы обе замолчали. В палате было тихо — только равномерное гудение старого холодильника в коридоре и где-то далеко, сквозь стены, приглушённый звук телевизора.

— Не думай об этом, — сказала я. — Мы живы. Это главное.

— Живы, — эхом отозвалась Кристина. — А девчонки?

— Девчонки в порядке. Они летят. Через несколько часов будут на месте.

Я сказала это уверенно, потому что хотела верить. Потому что не могла позволить себе думать иначе. Потому что если бы я позволила себе думать о том, что с ними может что-то случиться, я бы просто не выдержала.

— Ты звонила им? — спросила Кристина.

— Не дозвонилась, — я поморщилась. — Наверное, уже сели, выключили телефоны.

— Или в самолёте ещё.

— Или в самолёте, — согласилась я. — Но всё с ними хорошо. Ты не переживай.

Кристина кивнула, но в её глазах я увидела то же самое беспокойство, которое сама пыталась заглушить внутри себя.

— Оль, — сказала она вдруг. — А тот тип... ну, который в нас врезался...

— А что с ним?

— Он потом что-то говорил? Ну, после того как меня увезли?

Я помолчала. Вспомнила его голос — низкий, спокойный. Его лицо, которое свет фонарей выхватывал из темноты. Его слова: «Я оплачу лечение вашей подруги».

— Говорил, — ответила я сухо. — Предлагал деньги.

— А ты?

— А я послала его. В смысле, культурно так, по-русски, без мата, но суть та же.

Кристина усмехнулась.

— Молодец. Правильно.

— Думаешь? — я засомневалась. — Может, зря? Может, надо было взять хотя бы на билеты?

— Оль, — Кристина повернулась ко мне всем телом, и

по её лицу я поняла, что сейчас она скажет что-то важное. — Если бы мы взяли у него деньги, мы бы всю жизнь потом думали: а не купили ли нас? А не заплатил ли он за то, чтобы мы молчали? Так что нет. Не зря.

— Ты права, — вздохнула я. — Просто... обидно. Из-за него мы здесь. Из-за него мы не улетели.

— Может, оно и к лучшему, — тихо сказала Кристина.

— Что значит «к лучшему»? — я не поняла. — Ты в больнице, я на вокзале по сути, девчонки улетели без нас, отпуск насмарку — и это к лучшему?

— Я не знаю, — она отвела взгляд. — Просто чувствую.

— Опять твоя чуйка?

— Может быть.

Я хотела что-то ответить, но в этот момент за окном раздался первый хлопок. Я повернулась к окну — за стеклом, в темноте декабрьского неба, распустился первый фейерверк. Красный, с зелёным хвостом, он рассыпался на сотни искр, которые медленно таяли в снежной мгле.

— Смотри, — сказала я. — Уже начали.

Кристина приподнялась на локтях, и я подскочила к ней, подложила под спину вторую подушку, помогла устроиться поудобнее.

— Спасибо, — она оперлась на подоконник и уставилась в окно. — Красиво.

Фейерверки взрывались один за другим. Город праздновал. Кто-то наверняка уже открыл шампанское, кто-то зага-

дывал желания под бой курантов, кто-то обнимал любимых, кто-то смотрел на салют из окна своей квартиры, укутавшись в плед, с чашкой горячего чая.

Мы смотрели на салют из больничной палаты.

— Жалко, что мы не там, — сказала Кристина, и в её голосе впервые за весь вечер прозвучала настоящая грусть. — Жалко, что не с ними.

— Ещё успеем, — сказала я, хотя сама в это уже не верила. — Как только тебя выпишут, найдём билеты и прилетим. Догоним их. Ещё натанцуемся.

— Ты думаешь?

— Уверена.

Я врала. Я врала ей, врала себе, врала всему миру. Но иногда ложь — единственное, что держит нас на плаву. Особенно в новогоднюю ночь, когда весь мир верит в чудеса, а у тебя нет сил даже на то, чтобы загадать желание.

— Оль, — Кристина сжала мою руку. — Загадай желание.

— Какое?

— Ну, под салют. Говорят, если загадать желание, когда видишь фейерверк, оно обязательно сбудется.

— Детский сад, — усмехнулась я.

— А ты загадай, — настаивала она. — Просто так. На всякий случай.

Я посмотрела на неё. На её бледное лицо, на капельницу, которая всё ещё была подключена к её руке, на её глаза — уставшие, но живые. И загадала.

Я загадала, чтобы Кристина поправилась. Чтобы девчонки долетели благополучно. Чтобы отпуск, даже сокращённый, всё-таки состоялся. Чтобы этот кошмар закончился.

Я загадала, чтобы всё было хорошо.

Салют гремел за окном, раскрашивая палату в красный, зелёный, синий. Кристина смотрела на него, и на её губах играла слабая улыбка. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри меня постепенно отпускает напряжение этого дня.

Может, всё действительно будет хорошо. Может, мы справимся. Может, это просто неудачное начало, а дальше всё наладится.

— Оль, а ты помнишь, как мы познакомились? — спросила Кристина, не отрывая взгляда от окна.

— На первом курсе, — сказала я. — Ты сидела за мной на паре по философии и всё время чихала.

— Аллергия на пыль, — напомнила она.

— Я помню. Ты чихнула так громко, что профессор остановил лекцию и спросил, не нужно ли вызвать скорую.

— А ты дала мне платок, — Кристина улыбнулась. — Белый такой, с вышивкой.

— Мамин, — кивнула я. — Я потом его отстирывала неделю.

— Извини, — она виновато посмотрела на меня.

— Глупая, я же пошутила, — я толкнула её плечом. — Я не жалею. Тот платок того стоил.

— Стоил чего?

— Нашей дружбы.

Она посмотрела на меня с благодарностью, и в её глазах блеснули слёзы.

— Не смей, — сказала я. — Врач сказал, никаких эмоций.

— Это слёзы радости, — сказала она, вытирая глаза свободной рукой. — Я просто... я так рада, что ты здесь.

— А где же мне ещё быть?

— Дома, — тихо сказала она. — С семьёй. Или... ну, не знаю. Не здесь.

— Крис, — я взяла её за руку. — Слушай меня. Ты — моя семья. Все вы — моя семья. Маша, Женя, Даша, Инга, Лера, все. И если с кем-то из вас что-то случается, я буду рядом. Всегда. Запомни это.

Она кивнула, не в силах говорить.

Мы сидели молча, глядя на салют. Фейерверки становились всё ярче, всё чаще. Город встречал Новый год.

В палату заглянула медсестра — молодая девушка в голубой форме, с усталым, но добрым лицом.

— Девушки, с праздником! — сказала она. — Как вы тут?

— Нормально, — ответила я. — Смотрим салют.

— Красиво, да? — она подошла к окну, посмотрела на фейерверки. — Я каждый год смотрю на него из этого окна. Третий год уже.

— А почему вы работаете в праздник? — спросила Кристина.

— А кто-то же должен, — медсестра пожала плечами. —

Больные не выбирают, когда болеть. Вот и приходится.

Она подошла к Кристине, проверила капельницу, поправила подушку.

— Как себя чувствуете?

— Лучше, — сказала Кристина. — Голова почти не кружится.

— Это хорошо. Завтра утром врач придёт, посмотрит. Думаю, домой отпустит.

— Спасибо, — я искренне поблагодарила её.

— Не за что, — она улыбнулась. — Девушки, я вам чай принесу? С мандаринами? Праздник всё-таки.

— Было бы здорово, — ответила я.

Медсестра вышла, и через несколько минут вернулась с двумя кружками горячего чая и тарелкой мандаринов.

— Угощайтесь, — сказала она. — С Новым годом!

— С Новым годом! — ответили мы хором.

Она ушла, и мы остались одни — с чаем, мандаринами и салютом за окном.

— Знаешь, — сказала Кристина, отпивая чай маленькими глотками. — А ведь неплохо получилось.

— Что неплохо?

— Ну, этот Новый год. Мы вместе. Чай, мандарины. Салют.

— Вместо пляжа и коктейлей, — уточнила я.

— Ну да, — она улыбнулась. — Но знаешь... может, это и к лучшему. Может, в следующем году всё будет ещё лучше.

— Оптимистка, — усмехнулась я.

— А что мне остаётся? — она посмотрела на меня. — Если я буду ныть, мне станет легче? Нет. Так что лучше верить, что всё будет хорошо.

— Я тоже верю, — сказала я. — Обязательно будет.

Мы допили чай, съели по мандарину. Кристина начала клевать носом — сказывалась усталость и лекарства.

— Ложись спать, — сказала я. — Врач сказал, сон — лучшее лекарство.

— А ты? — она смотрела на меня сонными глазами.

— А я ещё посижу. Посмотрю на салют.

— Хорошо, — она зевнула. — Оль... спасибо тебе.

— За что?

— За всё, — она уже закрывала глаза. — За то, что ты есть.

Я сжала её руку, но она уже не ответила — уснула.

Я сидела в тишине, слушая её ровное дыхание, и смотрела на фейерверки, которые постепенно становились реже. Город отсалютовал и теперь готовился к праздничному застолию, к разговорам за полночь, к новогодним фильмам и прогулкам по заснеженным улицам.

Я взяла телефон.

Осторожно, чтобы не разбудить Кристину, перевернула его экраном вверх.

Уведомлений не было. Чат подруг молчал. Последнее сообщение было от Жени, отправленное ещё вчера: «Всё, мы

на посадке. Скоро вылетаем. Целуем вас, ждите на месте!»

Я открыла чат, написала: «Девочки, с Новым годом! Как вы там? Долетели? Крис уже лучше, завтра выписывают. Мы скучаем и ждём новостей!»

Отправила.

Ответа не было.

Я посмотрела на время. Половина второго. В Пхукете сейчас, наверное, уже утро. Они могли спать после перелёта. Или завтракать. Или уже пошли к бассейну. Я представила их — загорелых, счастливых, смеющихся. Представила море, пальмы, белый песок.

Закрыла глаза и попыталась представить, что я там, с ними.

Не получилось.

Я открыла новостную ленту — просто чтобы отвлечься, чтобы перестать думать о том, почему они не отвечают.

Первая же новость заставила моё сердце пропустить удар.
«Самолёт Москва — Пхукет пропал с радаров»

Я прочитала заголовок раз. Потом другой. Потом третий.

Слова не складывались в предложения. Буквы плыли перед глазами.

Я перечитала ещё раз.

«Пассажирский самолёт, следовавший рейсом Москва — Пхукет, перестал выходить на связь в 03:15 по московскому времени. На борту находились 189 пассажиров и 8 членов экипажа. Поисковые работы пока не дали результатов...»

Телефон выпал из рук и со стуком упал на пол.

— Оль? — Кристина проснулась от шума. — Что случилось?

Я не могла говорить. Я смотрела на телефон, который лежал на кафельном полу экраном вверх, и на нём всё ещё горела эта новость. Эта страшная, невозможная, нереальная новость.

— Оль, — Кристина приподнялась на локтях, её лицо было испуганным. — Оль, что? Ты побледнела. Что случилось?

— Самолёт, — выдавила я. — Их самолёт...

— Что их самолёт? — голос Кристины сорвался на крик. — Оля, говори!

Я наклонилась, подняла телефон дрожащими руками и протянула ей.

Она взяла его, посмотрела на экран. Я видела, как меняется её лицо — сначала недоумение, потом неверие, потом ужас.

— Это... это не может быть, — прошептала она. — Это ошибка. Это не наш рейс.

— Наш, — я услышала свой голос со стороны — чужой, безжизненный. — Рейс 472. Москва — Пхукет. Вылет в 23:55.

— Но... — Кристина смотрела на меня широко открытыми глазами. — Этого не может быть. Они же... они...

Она не договорила.

Я взяла телефон обратно и начала лихорадочно листать

ленту. Новость появлялась снова и снова, на разных каналах, разными словами, но суть была одна.

«Пропал самолёт».

«Связь потеряна».

«Поиски не дают результатов».

— Может, они просто не вышли на связь? — сказала Кристина, пытаясь найти хоть какое-то рациональное объяснение. — Технические неполадки? Связь же может пропасть?

— Может, — сказала я. — Может.

Но я не верила в это. Я знала, что если самолёт пропадает с радаров и не выходит на связь, это значит что-то очень, очень плохое.

— Надо позвонить им, — сказала я, уже набирая номер Маши. — Надо...

Гудки шли, но никто не отвечал. Я набрала Женю. Потом Дашу. Потом снова Машу.

Никто не отвечал.

— Может, у них телефоны выключены, — Кристина пыталась меня успокоить, но в её голосе уже не было уверенности. — В самолёте же нельзя...

— Их самолёт уже давно приземлиться должен был, — сказала я резко, может быть, слишком резко. — Они уже должны были включить телефоны. Они должны были ответить на наши сообщения.

Я снова открыла чат. Моё сообщение, отправленное в час ночи, так и висело непрочитанным.

«Девочки, с Новым годом! Как вы там? Долетели? Крис уже лучше, завтра выписывают. Мы скучаем и ждём новостей!»

Непрочитано.

Непрочитано.

Непрочитано.

— Оль, — Кристина взяла меня за руку. Её пальцы были холодными. — Оль, не паникуй. Может, всё не так страшно. Может, они просто сели в другом городе? Из-за погоды? Или...

— Крис, — я посмотрела на неё. — Самолёт пропал. Это не техническая неполадка. Это не посадка в другом городе. Это... это...

Я не могла произнести это слово.

Потому что если бы я его произнесла, оно стало бы реальностью.

— Позвони Инге, — сказала Кристина. — Инга не полетела. Может, она что-то знает.

Я кивнула и набрала номер Инги.

Телефон ответил после первого же гудка.

— Оля? — голос Инги был напряжённым, словно она ждала моего звонка. — Ты видела новости?

— Видела, — мой голос дрожал. — Ты что-нибудь знаешь?

— Я пытаюсь дозвониться до авиакомпании, — сказала Инга. — Линия перегружена. Я уже полчаса не могу про-

биться.

— А родителям звонила? Машиным, Жениным?

— Звонила. Они ещё не знают. Я не знаю, говорить им или нет, пока нет официальной информации. Вдруг это ошибка?

— Ошибка, — я ухватилась за это слово, как утопающий за соломинку. — Думаешь, это может быть ошибкой?

— Я не знаю, Оля, — в голосе Инги послышались слёзы. — Я просто не знаю.

— Мы в больнице, — сказала я. — Крис в порядке. Завтра её выписывают.

— Хорошо, — Инга всхлипнула. — Я приеду к вам завтра. Или вы ко мне. Надо быть вместе.

— Да, — согласилась я. — Надо.

Я сбросила вызов и посмотрела на Кристину. Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку.

— Инга ничего не знает, — сказала я. — Тоже пытается дозвониться.

— Значит, ничего официального ещё нет, — Кристина пыталась держаться, но я видела, как дрожат её губы. — Может, всё обойдётся.

— Может быть, — я села на кровать рядом с ней и обняла её за плечи.

Мы сидели так, глядя на телефон, который лежал на тумбочке экраном вверх. Новости продолжали приходить, но я боялась на них смотреть. Я боялась увидеть заголовок, кото-

рый разрушит последнюю надежду.

За окном догорал последний фейерверк. Его красные искры медленно таяли в темноте, падая на снег, и я смотрела на них и думала о том, что этот Новый год разделил нашу жизнь на «до» и «после».

До аварии.

До пропавшего рейса.

До того момента, когда мир перестал быть безопасным.

Кристина положила голову мне на плечо.

— Оль, — прошептала она. — А что, если...

— Не надо, — перебила я. — Не надо сейчас. Давай просто... давай подождём.

Мы ждали.

Ждали новостей, которых не было. Ждали звонков, которые не поступали. Ждали чуда, в которое уже перестали верить.

Новый год наступил.

И ничего хорошего он с собой не принёс.

В три часа ночи я всё-таки решила посмотреть новости. Заголовки не изменились. «Пропал без вести». «Поиски приостановлены до рассвета». «Список пассажиров».

Список пассажиров.

Я открыла его дрожащими руками и начала просматривать фамилии.

Мария Дегтярева.

Евгения Градова.

Дарья Третьякова.

Они были там. Их имена были в этом списке. В списке тех, кто сел на борт самолёта, который сейчас, возможно...

Я не могла закончить эту мысль.

— Крис, — я повернулась к подруге. — Их имена в списке.

Кристина закрыла глаза.

— Значит, они там, — прошептала она. — Они были на этом самолёте.

— Они были, — повторила я. — Но это не значит...

— Не значит, — быстро сказала она. — Не значит, что с ними что-то случилось.

Мы смотрели друг на друга, и в наших глазах была одна и та же мысль, которую мы не решались произнести вслух.

Самолёт пропал.

Наши подруги были на борту.

И мы ничего не могли сделать.

Ничего.

Я взяла телефон и написала в чат, зная, что ответа не будет, но не в силах молчать:

«Девочки, мы вас очень любим. Держитесь. Мы ждём. Мы всегда будем ждать. Пожалуйста, вернитесь».

Сообщение ушло.

И повисло в пустоте.

Непрочитанное.

Непрочитанное.

Как и все наши надежды.

Я отложила телефон, обняла Кристину, и мы сидели так, в тишине больничной палаты, слушая, как где-то далеко, на другом конце города, всё ещё взрываются одинокие фейерверки — запоздалые, грустные, ненужные.

Новый год продолжался.

А для нас время остановилось.

Глава 2

Я не помнила, как уснула.

Кажется, это произошло само собой — тело просто отключилось, не выдержав напряжения этого бесконечного дня. Я очнулась от того, что кто-то тряс меня за плечо, и первое, что увидела, было лицо Кристины — бледное, с красными от слёз глазами, но уже более осмысленное, чем ночью.

— Оль, — её голос был хриплым. — Оль, проснись.

Я моргнула, пытаюсь понять, где нахожусь. Больничная палата. Серые стены. Запах хлорки. Телефон на тумбочке экраном вниз. И где-то глубоко внутри — тяжёлый, давящий комок, который не давал дышать полной грудью.

А потом я вспомнила.

Всё.

Самолёт. Новости. Список пассажиров. Их имена.

Я села резко, и голова закружилась. В висках запульсировала тупая боль — следствие вчерашнего удара, о котором я старалась не думать.

— Который час? — спросила я, и голос прозвучал чужим, будто принадлежал не мне.

— Восемь утра, — Кристина сидела на кровати, поджав ноги. — Ко мне врач приходил. Сказал, что выписывает. Сказал, что состояние стабильное, сотрясение лёгкое, можно лечиться дома.

— Это хорошо, — я попыталась улыбнуться, но мышцы лица не слушались. — Это очень хорошо.

— Оль, — Кристина посмотрела на меня с тревогой. — Ты смотрела новости?

Я перевела взгляд на телефон. Сердце забилося чаще, хотя, казалось бы, биться уже некуда.

— Нет.

— Я посмотрела, — её голос дрожал. — Пока ты спала. Поиски... они начали поиски. Но пока ничего не нашли. Говорят, самолёт исчез над океаном. Обломков не обнаружено.

— Обломков не обнаружено, — повторила я, вцепляясь в эти слова. — Значит, есть надежда.

— Есть, — кивнула Кристина, но в её глазах я не увидела уверенности. — Всегда есть надежда.

Я взяла телефон. Включила его. Экран загорелся, и я увидела десятки уведомлений — пропущенные звонки, сообщения в чатах, новостные рассылки. Я проигнорировала всё и открыла новостную ленту.

Заголовки били по глазам, как пощёчины.

«Поиски пропавшего Boeing продолжаются: к месту предполагаемого крушения направлены спасательные суда»

«Над океаном: что известно о рейсе 472 на данный момент»

«Список пассажиров пропавшего самолёта опубликован. Среди них — трое граждан Казахстана и один гражданин Германии»

Я закрыла приложение, не дочитав. Не могла. Физически не могла видеть эти слова, эти заголовки, эти цифры, которые превращали наших подруг — живых, смеющихся, полных планов — в строчки новостных сводок.

— Надо ехать, — сказала я, вставая со стула. Спина затекла, ноги онемели, но я заставила себя двигаться. — Надо собраться и ехать.

— Куда? — спросила Кристина.

— Домой. А потом... потом надо позвонить родителям. Если они ещё не знают, нельзя, чтобы они узнали из новостей.

Кристина побледнела ещё больше.

— Ты думаешь, они не знают?

— Не знаю, — я натянула куртку, застегнула молнию дрожащими пальцами. — Но мы должны им позвонить. Мы должны быть рядом.

Мы вышли из больницы в девять утра. Первое января встретило нас морозным утром, ярким солнцем и снегом, который искрился под лучами так ослепительно, что глазам было больно. Город спал после новогодней ночи — улицы были пустынные, только редкие машины проезжали по заснеженным дорогам, да дворники сметали с тротуаров остатки фейерверков.

Новый год.

Первый день нового года.

Он должен был быть другим. Мы должны были просы-

паться в тёплом номере у океана, заказывать завтрак в постель, обсуждать планы на день, смеяться над вчерашними тостами и строить планы на оставшиеся дни отпуска.

Вместо этого я стояла на крыльце больницы с пакетом, в котором лежали вещи Кристины, и ловила такси, которое никак не хотело появляться.

— Может, вызвать через приложение? — предложила Кристина, кутаясь в мою запасную куртку — свою она оставила в разбитом такси, и теперь мы даже не знали, где её искать.

— Уже вызвала, — сказала я, глядя на экран телефона. — Машина через пять минут.

Мы молчали. Что можно было сказать в такой момент? Все слова казались пустыми, ненужными, неуместными. Мы просто стояли и ждали, глядя на белый, ослепительный снег, который падал с неба крупными хлопьями, словно пытался укрыть этот город, эту страну, этот мир — укрыть от горя, которое только начинало расползаться по нему.

Такси приехало через семь минут. Водитель — мужчина лет пятидесяти с уставшим лицом — помог нам погрузить пакеты, спросил, куда ехать.

— Сначала на Ленинградский проспект, — сказала я, назвав адрес Кристины. — Потом на Юго-Западную, мне.

— Понял, — он кивнул и тронулся с места.

В машине было тепло. Работал обогреватель, играло радио — тихо, фоном. Я узнала голос диктора, который что-

то рассказывал о новогодних праздниках, о том, как город отмечал, о планах на выходные.

Потом музыка стихла, и диктор сказал:

— А теперь — последние новости. Поиски пассажирского самолёта, следовавшего рейсом Москва — Пхукет, продолжаются. Напомним, лайнер пропал с радаров в ночь на первое января. На борту находились сто восемьдесят девять пассажиров и восемь членов экипажа. К месту предполагаемого крушения направлены спасательные суда, однако пока никаких обломков обнаружено не было. Эксперты не исключают, что самолёт мог упасть в воду, что осложняет поисковую операцию. Список пассажиров опубликован на сайте авиакомпании. Следите за обновлениями.

Я потянулась к магнитоле, чтобы выключить радио, но Кристина опередила меня — нажала кнопку, и музыка оборвалась.

— Не надо, — сказала она. — Не надо это слушать.

— Я знаю, — я убрала руку.

Водитель бросил на нас быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Наверное, заметил наши лица — осунувшиеся, бледные, с красными глазами. Или, может быть, просто почувствовал что-то. Он ничего не сказал, только сделал радио тише, а потом и вовсе выключил.

— Девушки, — сказал он после долгого молчания. — У вас там кто-то летел?

Я посмотрела на него. В его голосе не было обычного так-

систского любопытства — только тихая, осторожная эмпатия.

— Подруги, — ответила я. — Трое подруг.

Он помолчал.

— Я вчера слышал новости, — сказал он. — Думал, может, ошибка. Такое редко бывает, чтобы самолёт просто... пропал.

— Редко, — согласилась я.

— Вы держитесь, — сказал он. — Всякое бывает. Может, найдут.

— Спасибо, — сказала Кристина. — Спасибо вам.

Мы ехали дальше в тишине. Город просыпался — на улицах появлялись редкие прохожие с сумками, кто-то выгуливал собак, кто-то нёс ёлку к мусорному баку. Жизнь продолжалась. Для кого-то этот день был просто первым днём нового года, днём, когда можно выспаться, доест оливье и посмотреть новогодние фильмы.

Для нас он стал днём, когда мир рухнул.

Когда мы подъехали к дому Кристины, я помогла ей выйти из машины, отдала пакет с вещами.

— Ты как? — спросила я. — Голова не кружится?

— Немного, — призналась она. — Но я в порядке. Правда.

— Ты будешь одна?

— Мама приедет, — сказала Кристина. — Я ей позвоню, скажу, что меня выписали. Она приедет.

— Хорошо, — я обняла её. — Я позвоню тебе, как только что-нибудь узнаю.

— И я позвоню, — она обняла меня в ответ, и я почувствовала, как её плечи дрожат. — Оль, мы справимся?

— Справимся, — сказала я, хотя сама в это не верила. — Мы справимся.

Она кивнула, вытерла глаза, и пошла к подъезду. Я смотрела ей вслед, пока дверь не закрылась за ней, потом села обратно в машину.

— На Юго-Западную, — сказала водителю. — Я покажу адрес.

Он кивнул и тронулся.

Дорога домой заняла около получаса. Я смотрела в окно на просыпающийся город и думала о том, что всего сутки назад мы с Кристиной ехали в аэропорт, полные надежд и планов. Сутки. Всего одни сутки. И за это время наша жизнь разделилась на «до» и «после». «До» — это когда самолёты не пропадали, когда Новый год был праздником, а не днём траура. «После» — это сейчас. Это пустота внутри. Это страх, который не отпускает ни на секунду.

Дома меня встретила тишина.

Квартира была тёмной, холодной — я не успела включить отопление перед отъездом. На кухне на столе стояли нетронутые продукты, которые я купила для новогоднего стола, который так и не состоялся. На холодильнике висела открытка, которую мне подарили девчонки на прошлый Новый год

— смешная, с фотографией всех нас вместе.

Я смотрела на неё и не могла оторвать взгляд.

Вот Маша — вечно активная, всегда в движении, всегда с улыбкой до ушей. Вот Женя — решительная, острая на язык, но такая надёжная, такая верная. Вот Даша — тихая, спокойная, с её добрыми глазами и мягкой улыбкой. Вот Кристина — вечно недовольная, но на самом деле самая заботливая из нас. Вот Инга — деловая, серьёзная, но с ней всегда можно было поговорить по душам. Вот Лера — весельчак и заводила. Вот я.

Семь подруг.

Три улетели.

Остальные остались.

И теперь эти три — в списке пропавших без вести.

Я отвернулась от открытки, не в силах больше на неё смотреть. Скинула куртку, прошла на кухню, включила чайник. Руки двигались автоматически, тело жило своей жизнью, а мысли были где-то далеко — над океаном, вместе с ними.

Чайник закипел. Я заварила чай, взяла кружку и села за стол. Телефон лежал рядом, экраном вверх, и я смотрела на него, зная, что рано или поздно придётся сделать то, чего я боялась больше всего.

Позвонить родителям подруг.

Я взяла телефон, открыла контакты и нашла номер мамы Маши. Пальцы зависли над кнопкой вызова.

Я не знала, что скажу. Не знала, как подберу слова. Не

знала, как сообщу матери, что её дочь — её Маша, её солнце, её гордость — находится на борту самолёта, который пропал над океаном.

Я нажала вызов.

Гудки. Один, второй, третий.

— Алло? — голос Татьяны Ивановны, мамы Маши, звучал бодро, по-праздничному. — Оленька? С Новым годом, дорогая!

— Татьяна Ивановна, — мой голос дрогнул. — С Новым годом.

— А ты чего не улетела с девчонками? Маша говорила, вы все собирались. Случилось что?

— Случилось, — я сжала кружку с чаем, пытаюсь согреть замёрзшие пальцы. — Татьяна Ивановна, вы... вы смотрели новости?

— Новости? — в её голосе появилось беспокойство. — Нет, мы вчера до двух ночи за столом сидели, потом спать легли. А что случилось?

Я закрыла глаза.

— Татьяна Ивановна, самолёт, на котором летели Маша, Женя и Даша... он пропал.

Тишина.

Такая долгая, такая тяжёлая тишина, что я слышала, как бьётся моё сердце.

— Как пропал? — голос Татьяны Ивановны изменился — стал тихим, осторожным, будто она боялась спугнуть ка-

кую-то хрупкую надежду. — В смысле — пропал?

— Не вышел на связь, — сказала я, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя внутри всё дрожало. — Потеряли с радаров. Сейчас идут поиски.

— Потеряли с радаров... — повторила она. — Это как? Самолёты же не теряются просто так. Это же не игрушки.

— Я знаю, — я почувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Я знаю, Татьяна Ивановна. Но пока никакой информации. Поиски только начались.

— Оленька, — её голос задрожал. — Оленька, а что говорят? Они найдут их?

— Найдут, — сказала я, и эти слова обожгли горло. — Обязательно найдут.

Я не знала, верю ли я в то, что говорю. Но я не могла сказать ей правду. Не могла сказать, что самолёт исчез над океаном, что обломков не нашли, что шансов с каждым часом становится всё меньше.

Я не могла.

— Мы сейчас приедем, — сказала Татьяна Ивановна. — Мы с отцом Маши. Мы должны быть там, где...

— Да, — сказала я. — Приезжайте. Я сейчас позвоню остальным родителям. Соберёмся все вместе.

— Да-да, — она говорила быстро, нервно. — Я позвоню Жениным родителям. И Дашиным. Мы все приедем. Мы должны быть вместе.

— Да, — я чувствовала, что сейчас разревусь, и изо всех

сил сдерживалась. — Я вас жду.

Я сбросила вызов и уронила телефон на стол.

Слёзы потекли сами — горячие, солёные, безудержные. Я закрыла лицо руками и плакала, плакала впервые за эти сутки. Плакала о Маше, о Жене, о Даше. Плакала о нас — о том, что не успели, о том, что остались. Плакала о Кристине, которая лежала в больнице. Плакала о себе — о том, что не знаю, как жить дальше.

Я плакала, пока слёзы не кончились. Пока не осталась только пустота — выжженная, безмолвная, бесконечная.

Потом я встала, умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Красные глаза, опухшее лицо, растрёпанные волосы. Я выглядела так, будто меня переехал поезд. Наверное, так оно и было. Только поезд назывался «жизнь», и он не остановился после того, как переехал.

Я взяла телефон и набрала Ингу.

— Оля? — Инга ответила сразу, будто ждала звонка. — Как ты? Как Кристина?

— Кристину выписали, она дома. Я тоже дома, — я присела на диван. — Инга, я звонила маме Маши. Они с отцом приедут. Я сказала, что мы соберёмся.

— Хорошо, — голос Инги был ровным, собранным. — Я тоже приеду. Оля, я смотрела новости. Они ничего не нашли.

— Знаю, — я закрыла глаза. — Знаю.

— Что будем делать?

— Не знаю, — честно ответила я. — Сначала встретимся.

Поговорим. Потом... потом будем ждать.

— Ждать, — повторила Инга, и в этом слове было столько боли, сколько я не слышала даже в новостных сводках.

— Инга, — сказала я. — Мы создадим чат. Для всех, кто не улетел. Чтобы быть на связи. Чтобы поддерживать друг друга. Чтобы...

Я не договорила.

— Чтобы не сойти с ума поодиночке, — закончила за меня Инга.

— Да.

— Создавай, — сказала она. — Я сейчас выезжаю.

Я сбросила вызов и открыла мессенджер. Создала новый чат. Долго думала, как его назвать. Потом написала: «Ждём. Надеемся. Вместе».

Добавила Ингу, Кристину, Леру — ту, которая тоже не полетела, потому что заболела в последний момент. Лера ответила сразу:

«Я в курсе. Я смотрела новости всю ночь. Я приеду. Скажите, куда».

Я написала адрес своей квартиры.

Потом добавила в чат родителей Маши, Жени, Даши. Они ещё не ответили — наверное, собирались, или звонили кому-то, или просто не могли говорить.

Я отложила телефон и посмотрела на часы. Полдень.

Прошло ровно двенадцать часов с того момента, как я узнала, что самолёт пропал.

Двенадцать часов ада.

Через час в моей квартире собрались все.

Первыми приехали родители Маши — Татьяна Ивановна и Сергей Петрович. Татьяна Ивановна была бледна, молчалива, только крепко сжимала мою руку, когда я открыла дверь. Сергей Петрович выглядел растерянным, старше своих лет, он держался за косяк, будто боялся упасть.

— Проходите, — сказала я, отступая в сторону. — Садитесь, я чай поставлю.

— Не надо чая, — сказал Сергей Петрович. — Мы не за этим.

— Я понимаю, — я провела их в гостиную. — Садитесь, пожалуйста.

Они сели на диван. Татьяна Ивановна смотрела в одну точку, Сергей Петрович теребил в руках шапку.

— Ты говорила с кем-нибудь ещё? — спросил он. — Из авиакомпании? Из МЧС?

— Пока нет, — я села напротив них. — Я звонила только вам, Инге, Кристине, Лере. Мы решили собраться вместе.

— Правильно, — кивнул он. — Вместе легче.

В дверь позвонили. Я пошла открывать — пришла Инга. Она обняла меня молча, прошла в гостиную, поздоровалась с родителями Маши.

Потом приехали родители Жени — Наталья Викторовна и Виктор Павлович. Наталья Викторовна плакала, Виктор Павлович поддерживал её под руку.

— Они найдут их? — спросила Наталья Викторовна, едва переступив порог. — Они обязательно найдут?

— Обязательно, — сказала я, и снова эти слова обожгли горло.

Последними приехали родители Даши — Елена Анатольевна и Андрей Викторович. Елена Анатольевна была спокойна, даже слишком спокойна, и это пугало больше, чем слёзы Натальи Викторовны.

— Я звонила в авиакомпанию, — сказала она, когда все расселись. — Никто ничего не знает. Говорят, поиски идут, но результатов пока нет. Говорят, что информация появится в течение суток.

— В течение суток, — повторил Сергей Петрович. — А что мы будем делать эти сутки?

— Ждать, — сказала Инга. — И надеяться.

Мы сидели в гостиной, тесным кругом, и молчали. Кто-то плакал, кто-то сжимал кулаки, кто-то просто смотрел в пол. Я смотрела на них и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Эти люди — родители моих подруг — пришли ко мне, потому что не знали, куда ещё пойти. Потому что я была последней, кто видел их дочерей живыми. Потому что я — часть их жизни, их семьи, их круга.

— Оля, — голос Татьяны Ивановны вывел меня из оцепенения. — Расскажи нам. Всё расскажи. Как это случилось?

Я посмотрела на неё. На её лицо — измождённое, постаревшее за один день. На её глаза — красные, но сухие.

И я рассказала.

Рассказала, как мы собирались в кафе. Как выбирали тур. Как Инга нашла горящую путёвку. Как радовались, что летим все вместе. Как упаковывали чемоданы, как строили планы, как мечтали.

Рассказала, как мы с Кристиной ехали в аэропорт. Как в нас врезалась та машина. Как Крестину увезли в больницу. Как я осталась ждать ГИБДД. Как мы не успели на рейс.

Рассказала, как ночью увидела новости. Как пыталась дозвониться. Как не смогла.

Когда я закончила, в комнате было тихо.

— Значит, вы не успели, — сказала Елена Анатольевна.
— Вы с Кристиной не успели на этот самолёт.

— Да, — я кивнула.

— А могли бы, — добавила она тихо. — Если бы не авария.

В её словах не было упрёка. Только констатация факта. Но от них у меня сжалось сердце.

— Если бы мы успели, — сказала я, — нас было бы пятеро на борту. Не трое.

Елена Анатольевна посмотрела на меня долгим взглядом.

— Это не ваша вина, — сказала она. — Не вините себя.

— Я и не виню, — ответила я, хотя внутри меня грызло чудовищное чувство вины. Почему мы? Почему не успели? Почему они улетели, а мы остались? Почему?

— Что теперь? — спросил Виктор Павлович. — Что мы

делаем?

— Мы создали чат, — сказала Инга. — Для всех, кто не улетел. И для вас тоже. Чтобы быть на связи. Чтобы обмениваться информацией.

— Хорошая идея, — кивнул Андрей Викторович. — Надо быть вместе.

Я раздала всем контакты, добавила родителей в чат. Телефоны загудели, оповещая о новых участниках. Я посмотрела на экран — в чате было уже пятнадцать человек.

Пятнадцать человек, чьи жизни разделились на «до» и «после».

— Я предлагаю, — сказала я, собираясь с силами, — встречаться каждый день. В одно и то же время. Обмениваться новостями. Поддерживать друг друга.

— Каждый день? — переспросила Наталья Викторовна.

— Каждый день, — подтвердила я. — Пока они не найдутся.

Слова повисли в воздухе.

«Пока они не найдутся».

Я сказала это вслух, и стало чуть легче. Потому что эти слова означали, что мы верим. Что мы ждём. Что мы не сдаёмся.

— Хорошо, — сказал Сергей Петрович. — Каждый день. У нас дома. Или здесь. Где удобно.

— Здесь, — сказала я. — У меня просторно. Я буду ждать.

Мы просидели до вечера. Говорили о разном — вспоми-

нали смешные истории, пересматривали фотографии в телефонах, пытались не думать о том, что сейчас там, над океаном, идёт поисковая операция.

Кристина приехала только к пяти. Она выглядела лучше, чем утром — отдохнувшая, посвежевшая. Врач разрешил ей лёгкие прогулки, и она решила не оставаться дома.

— Как ты? — спросила я, обнимая её.

— Держусь, — ответила она. — Ты?

— Тоже.

Она прошла в гостиную, поздоровалась со всеми. Родители обнимали её, благодарили за то, что она приехала, спрашивали о здоровье.

— Я в порядке, — говорила она каждому. — Я в порядке. А вот они...

Она не договорила.

В семь часов вечера мы снова включили новости.

«Поиски пропавшего самолёта продолжаются. Спасательные суда обследуют район площадью более десяти тысяч квадратных километров. Пока никаких обломков не обнаружено. Эксперты не исключают, что лайнер мог изменить курс перед исчезновением. Рассматриваются все версии, включая техническую неисправность и человеческий фактор».

— Ничего, — сказал Сергей Петрович. — Опять ничего.

— Это пока ничего, — возразила Елена Анатольевна. — Значит, ещё не нашли. А не нашли — значит, есть надежда.

— Есть, — поддержала её Инга. — Всегда есть надежда.

Мы смотрели друг на друга, и в наших глазах была одна и та же мысль: мы не сдадимся. Мы будем ждать. День, два, неделю, месяц — сколько понадобится.

Мы будем ждать.

К девяти вечера родители начали расходиться. Прощались молча, обнимались на пороге, сжимали руки, обещали звонить и писать в чат.

— Оленька, — Татьяна Ивановна задержалась у двери. — Ты не вини себя. Слышишь?

— Слышу, — я кивнула, хотя чувство вины никуда не ушло.

— Это не твоя вина. И не Кристины. Это судьба.

— Судьба, — повторила я.

— Мы справимся, — она сжала мою руку. — Мы сильные.

— Сильные, — согласилась я.

Когда все ушли, мы с Кристиной и Ингой остались на кухне. Пили чай, смотрели на заснеженный двор за окном, молчали.

— Что будем делать завтра? — спросила Инга.

— Встретимся снова, — сказала я. — Будем ждать новостей. Искать информацию. Звонить в авиакомпанию, в МЧС, куда угодно.

— Думаешь, это поможет? — спросила Кристина.

— Не знаю, — я честно посмотрела на неё. — Но мы должны что-то делать. Мы не можем просто сидеть и ждать.

— Согласна, — кивнула Инга. — Я завтра с утра начну

обзванивать все инстанции. У меня есть знакомые в МЧС, может, что-то узнаю.

— А я поеду в аэропорт, — сказала Кристина. — Может, там есть информационный центр для родственников. Или что-то вроде.

— Я с тобой, — сказала я.

— Нет, — Кристина покачала головой. — Ты останешься здесь. На случай, если кто-то из родителей приедет. Или позвонят. Надо, чтобы кто-то был на месте.

Я хотела возразить, но поняла, что она права. Нужно распределить силы. Это не на один день.

— Хорошо, — сказала я. — Я останусь.

Мы допили чай, и Инга уехала домой. Кристина осталась ночевать у меня — мы не хотели быть одни. Не в эту ночь.

Мы лежали в темноте, на моей кровати, как в детстве, когда оставались друг у друга с ночёвкой и болтали до утра. Только сейчас нам не о чем было болтать. Мы просто лежали, слушали тишину и думали.

— Оль, — тихо сказала Кристина. — А ты веришь в чудеса?

Я помолчала.

— Не знаю, — ответила я. — Раньше верила.

— А сейчас?

— Сейчас... — я посмотрела в потолок. — Сейчас я хочу верить. Очень хочу.

— Я тоже, — она повернулась ко мне. — Давай верить.

Вместе.

— Давай, — я взяла её за руку.

Мы лежали, сжимая руки, и смотрели в темноту. За окном падал снег, крупный, белый, засыпая город, который не знал, что для нас этот Новый год стал самым страшным в жизни.

Я закрыла глаза и загадала желание.

Такое же, как вчера.

Чтобы они вернулись.

Чтобы всё было хорошо.

Чтобы этот кошмар закончился.

Я загадала и открыла глаза.

Кристина уже спала, её дыхание было ровным и спокойным. Я смотрела на неё и думала о том, что мы должны держаться. Ради них. Ради тех, кто сейчас там, над океаном. Ради тех, кто ждёт. Ради тех, кто надеется.

Мы должны быть сильными.

Мы будем.

Я взяла телефон, открыла наш чат. Написала одно сообщение, которое увидят все пятнадцать человек завтра утром: «Спокойной ночи. Мы вместе. Мы ждём. Мы надеемся».

Отправила.

И в темноте, под ровное дыхание спящей подруги, я позволила себе поверить, что завтрашний день принесёт хорошие новости.

Что они найдутся.

Что всё будет хорошо.

Что чудеса всё-таки случаются.

Глава 3

Следующие два дня слились в один бесконечный, серый, тягучий ком.

Мы жили по расписанию, которое сами себе составили: утро начиналось с обзвона авиакомпаний, МЧС, всех возможных инстанций, которые могли знать хоть что-то о поисках. Днём — встречи у меня дома, где собирались родители, Инга, Кристина, Лера, иногда приходили другие родственники, знакомые, кто-то приносил еду, кто-то — новости, которых не было. Вечерами мы сидели на кухне, смотрели новости, читали ленты, ждали.

Ждали.

Это слово стало нашим девизом, нашим проклятием, нашей молитвой.

Я почти не спала. Сон приходил урывками — час здесь, два там, и всегда с тяжёлыми, липкими снами, в которых я бежала по бесконечному аэропорту, пыталась догнать улетающий самолёт, но ноги не слушались, а голос пропадал, и я только открывала рот в беззвучном крике.

Просыпалась я в холодном поту, с колотящимся сердцем, и первое, что делала — хватала телефон, проверяла новости.

Ничего.

Ничего.

Ничего.

Поиски продолжались. Обследовали акваторию. Нашли какое-то маслянистое пятно на воде. Потом оказалось, что это не имеет отношения к самолёту. Потом нашли обломок крыла — но он принадлежал другому лайнеру, потерпевшему крушение год назад. Потом были версии: техническая неисправность, ошибка пилотирования, теракт. Потом версии опровергали. Потом говорили, что поиски расширяются. Потом — что погода ухудшается, и операция может быть приостановлена.

Каждый день приносил новую порцию надежды, которая разбивалась о холодную реальность.

На третий день, второго января, я проснулась от того, что телефон зазвонил.

Было восемь утра. В комнате ещё царил полумрак — зимнее солнце только начинало пробиваться сквозь плотные шторы. Кристина спала рядом, свернувшись калачиком, её дыхание было ровным и спокойным. Я не стала её будить.

Потянулась к тумбочке, взяла телефон, бросила взгляд на экран.

Неизвестный номер.

Я поморщилась. За последние дни мне звонили десятки неизвестных номеров — журналисты, волонтёры, просто равнодушные люди, которые хотели «выразить поддержку». Я понимала, что они хотят как лучше, но каждый такой звонок был как нож в сердце. Каждый раз, когда я видела незнакомые цифры, моё сердце на секунду замирало в на-

дежде — а вдруг это они? А вдруг нашлись? А вдруг звонят от них?

А потом следовало: «Здравствуйте, это корреспондент „Новой газеты“, могу ли я задать вам несколько вопросов?» Или: «Здравствуйте, я представляю волонтерский центр, мы организуем сбор средств для семей пропавших пассажиров». Или: «Здравствуйте, я хочу сказать, что я с вами, я молюсь за ваших близких».

Я научилась отвечать вежливо, но коротко. Нет, я не даю интервью. Нет, спасибо, в сборе средств мы пока не нуждаемся. Да, спасибо за поддержку, это очень важно.

Но сейчас, в восемь утра, когда я ещё не успела выпить кофе, когда сонная тяжесть ещё не отпустила тело, у меня не было сил на вежливость.

Я сбросила звонок.

Телефон затих на секунду, потом снова зазвонил.

Тот же номер.

Я снова сбросила. Внутри закипало раздражение. Кто звонит в восемь утра? Кто не понимает, что люди могут спать? Кто не слышит слова «нет»?

Телефон затих. Я положила его на тумбочку, закрыла глаза, попыталась снова провалиться в сон, но не смогла. Мысли уже разбежались, как испуганные птицы, — о поисках, о новостях, о том, что сегодня нужно снова ехать в авиакомпанию, снова стоять в очередях, снова слушать ничего не значащие слова.

Телефон завибрировал снова.

Смс.

Я взяла его, открыла сообщение.

«Ольга, это Андрей. Тот самый, из аварии. Пожалуйста, ответьте на звонок. Мне нужно убедиться, что вы в порядке».

Я уставилась на экран, и кровь прилила к лицу.

Андрей.

Тот самый.

Виновник.

Человек, который разрушил наш отпуск. Который отправил Кристину в больницу. Который сделал так, что мы не успели на тот самолёт. Который, возможно, спас нам жизнь — но я не была готова думать об этом. Не сейчас. Не после всего.

Ярость поднялась во мне тёмной, горячей волной.

Как он смеет? Как он смеет писать мне? Как он смеет вообще вспоминать о моём существовании? Какое ему дело до того, в порядке я или нет? Что он хочет? Искупить вину? Успокоить совесть? Поставить галочку в списке добрых дел?

Телефон зазвонил снова.

Я нажала кнопку ответа, даже не успев подумать.

— Что вам нужно? — мой голос прозвучал резко, зло, но мне было всё равно.

На том конце повисла пауза. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное. Это бесило ещё больше.

— Ольга, — наконец сказал он. Голос был низким, тихим,

каким-то... осторожным. — Извините, что беспокою в такое время. Я...

— Вы знаете, который час? — перебила я. — Вы понимаете, что люди могут спать? Что у людей могут быть другие дела, кроме как разговаривать с вами?

— Понимаю, — ответил он, и в его голосе не было ни капли раздражения. Только та же осторожная, настороженная вежливость. — Я бы не стал звонить, если бы это не было важно.

— Важно? — я усмехнулась, хотя усмешка вышла горькой. — Что может быть для вас важного в моей жизни? Вы меня даже не знаете. Мы виделись один раз, и при тех обстоятельствах, которые я, честно говоря, предпочла бы забыть.

— Я знаю, — сказал он. — И я понимаю, что вы, скорее всего, не хотите меня слышать. Но я видел новости. Про рейс.

Сердце пропустило удар.

— И что? — спросила я, и голос дрогнул, предательски дрогнул, выдав ту боль, которую я пыталась скрыть.

— Я узнал, что ваши подруги были на том рейсе, — сказал он. — Те, которые должны были лететь с вами.

Мир на секунду остановился.

— Откуда вы... — начала я, но он перебил.

— Ваша подруга, Кристина, упоминала в разговоре с полицией, что вы летите на Пхукет. А в новостях опубликовали список пассажиров. Я сопоставил.

— Вы сопоставили, — повторила я, и в голосе зазвенела злость. — Вы, значит, сидели и сопоставляли? И что? Проверяли, все ли пострадавшие в аварии пострадали и в пропавшем самолёте? Хотели убедиться, что не придётся платить больше?

На том конце повисла тишина. Я слышала, как он дышит — медленно, глубоко, будто пытался успокоиться.

— Ольга, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала не просто вежливость, а что-то другое. Что-то, что я не могла определить. — Я понимаю, что вы злитесь. Вы имеете на это полное право. Но я звоню не для того, чтобы...

— А для чего? — перебила я. — Чтобы предложить деньги? Чтобы оплатить билеты на следующий рейс? Чтобы купить моё прощение?

— Нет, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Я звоню, потому что увидел новости и испугался.

Я замолчала.

Испугался.

Это слово прозвучало так неожиданно, так... искренне, что я не нашлась с ответом.

— Я испугался, — повторил он. — Когда узнал, что ваш рейс — тот самый. Я подумал: а что, если бы вы успели? Что, если бы не та авария? Что, если бы...

Он не договорил.

— Вы были бы на том самолёте, — закончила я за него, и голос прозвучал глухо.

— Да, — сказал он. — Вы были бы на том самолёте. И я... я не знаю, как бы я с этим жил.

Я молчала. Слова застряли в горле. Ярость, которая ещё минуту назад кипела во мне, начала оседать, уступая место чему-то другому. Чему-то, что я не хотела чувствовать. Чему-то, что было похоже на понимание.

— Зачем вы звоните? — спросила я тихо. — Чего вы хотите?

— Я хочу убедиться, что вы в порядке, — сказал он. — И... я хочу помочь.

— Помочь? — я усмехнулась, но на этот раз усмешка вышла не злой, а усталой. — Чем вы можете помочь? Вы найдёте самолёт? Вы вернёте моих друзей?

— Нет, — сказал он просто. — Не могу. Но я могу быть рядом. Могу сделать что-то. Если вам что-то нужно. Если нужна помощь с документами, с поиском информации, с... чем угодно.

— С чего вдруг такая забота? — спросила я, и в голосе прозвучала усталость. — Мы даже не знакомы.

— Мы познакомились в тот вечер, — сказал он. — Пусть и при не самых лучших обстоятельствах. Но я не могу просто... не могу сделать вид, что ничего не случилось. Что вы мне безразличны.

Я замерла.

Что вы мне безразличны.

Эти слова повисли в воздухе, и я не знала, что с ними де-

лать. Как их интерпретировать. Как на них реагировать.

— Вы меня даже не знаете, — повторила я.

— Я хочу узнать, — ответил он.

Это было уже слишком.

— Послушайте, — я постаралась, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Андрей, кажется, да? У меня сейчас нет сил на... на это. На выяснение отношений. На попытки познакомиться. Мои подруги пропали. Понимаете? Они пропали. Я не знаю, живы они или нет. Я не знаю, увижу ли я их когда-нибудь. И в этой ситуации, честно говоря, мне всё равно, что вы там чувствуете. Мне всё равно, что вы испугались. Мне всё равно, хотите вы помочь или искупить вину. Мне просто всё равно.

Я перевела дыхание.

— Я не просила вас звонить, — продолжила я. — Я не просила вашей помощи. Я не просила вас интересоваться мной. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Я хочу ждать своих подруг в тишине, без ваших звонков, без вашего беспокойства, без вашего... всего.

На том конце было тихо.

Я уже хотела сбросить вызов, когда он заговорил.

— Хорошо, — сказал он. — Я понял.

В его голосе не было обиды. Только тихое, спокойное принятие. Это почему-то разозлило ещё больше.

— Вы поняли, — повторила я. — Отлично.

— Я понял, что вы не хотите меня слышать, — сказал он.

— И я не буду вам больше звонить. Если вы не захотите.

— Не захочу, — отрезала я.

— Возможно, — сказал он. — Но если вдруг... если передумаете. Если понадобится помощь. Моя помощь. Вы знаете, как меня найти.

— Откуда?

— Я оставлю свой номер в сообщении, — сказал он. — И ещё... Ольга.

— Что? — мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

— Я правда сожалею о том, что случилось. И об аварии, и о... о том, что вы не успели. Я понимаю, что мои слова ничего не значат. Но я хотел, чтобы вы знали.

Я молчала.

— Держитесь, — сказал он. — И... берегите себя.

Он сбросил вызов.

Я сидела на кровати, сжимая телефон в руке, и смотрела на экран. Разговор закончился. Он не стал давить, не стал уговаривать, не стал оправдываться. Просто сказал то, что хотел, и ушёл.

Это было... неожиданно.

Я ожидала чего-то другого. Настойчивости, давления, попыток купить моё расположение. Все мужчины в его положении — богатые, уверенные, привыкшие получать то, что хотят — ведут себя так. Они не принимают отказа. Они не слышат слова «нет». Они идут напролом, пока не добьются своего.

А он...

Он просто сказал «хорошо» и повесил трубку.

Я отложила телефон и закрыла лицо руками.

— Оль? — голос Кристины был сонным, встревоженным.

— Ты чего? Кто звонил?

Я опустила руки, посмотрела на неё.

— Помнишь того типа? Из аварии?

— Андрея? — Кристина приподнялась на локтях. — А ему что надо?

— Звонил. Узнал про рейс. Хотел убедиться, что мы в порядке.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, чтобы оставил нас в покое, — я провела рукой по лицу, пытаюсь унять дрожь.

— И он?

— Сказал, что понял. И что если передумаем — можем обратиться.

Кристина помолчала.

— Станный, — сказала она наконец.

— Кто?

— Да он. Обычно такие типы, как он, не звонят сами. И уж тем более не отступают после первого же отказа. Они призывали, что все им должны. А этот...

— Что этот?

— Этот какой-то другой, — она пожала плечами. — Может, ему правда не всё равно?

— Ему не всё равно, — я усмехнулась. — Конечно, ему не всё равно. Он чуть не угробил двух человек. У него совесть проснулась.

— Может быть, — Кристина не стала спорить. — А может, и не только совесть.

Я посмотрела на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — она отвела взгляд. — Просто... он на тебя в тот вечер смотрел. Я же говорила.

— У тебя было сотрясение, — напомнила я. — Тебе всё казалось.

— Может быть, — она не стала настаивать. — Но знаешь... может, не стоило так резко с ним?

— Ты что, на его стороне? — я не поверила своим ушам.

— Я не на его стороне, — Кристина села на кровати, обхватив колени руками. — Я просто думаю... может, он правда может помочь. У него связи, деньги, возможности. А нам сейчас любая помощь пригодится.

Я хотела возразить, но слова застряли в горле.

Потому что она была права.

Нам нужна была любая помощь. Мы обзванивали все инстанции, но везде натыкались на стену равнодушия, бюрократии, бесконечных «ожидайте» и «ничем не можем помочь». У нас не было влиятельных знакомых, не было денег, чтобы нанять хороших юристов или частных детективов. Мы были просто родственниками пропавших пассажиров — од-

ними из сотен, чьё горе было одинаковым и одинаково беспомощным.

А этот человек... Андрей... он мог быть полезен. Он сам предложил помощь. И я...

Я послала его.

— Глупо, да? — сказала я тихо. — Надо было взять себя в руки и согласиться.

— Не глупо, — Кристина покачала головой. — Ты имеешь право злиться. Он чуть не убил нас, испортил нам отпуск, из-за него мы здесь, а не там... И потом, ты не знала, что он предложит.

— Он предложил помощь, — я вспомнила его слова. — С документами, с информацией. Сказал, что может быть рядом.

— Рядом? — Кристина подняла бровь. — Это как?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Я не стала уточнять.

— Может, стоит перезвонить? — осторожно спросила она. — Извиниться за резкость и спросить, что именно он предлагает?

Я посмотрела на телефон.

Экран погас, но я знала, что в сообщениях лежит его номер. Он сказал, что оставит его. Наверняка уже отправил.

— Не знаю, — сказала я. — Может быть. Позже.

— Позже, — кивнула Кристина. — Как решишь.

Я встала с кровати, подошла к окну. За стеклом падал снег — крупный, белый, засыпающий город. Двор был пуст, толь-

ко редкие прохожие торопились по своим делам, не зная, что для нас время остановилось.

Я думала о нём.

Об Андрее.

О его голосе — низком, спокойном. О том, как он сказал «я испугался». О том, как он не стал спорить, не стал оправдываться, просто принял мою злость и ушёл.

Это было необычно.

Это было... честно.

Я не привыкла к честности. Не от таких, как он.

Я вспомнила его лицо в тот вечер — резкие черты, глубоко посаженные глаза, твёрдую линию подбородка. Вспомнила его запах — дорогой парфюм с нотами кожи и можжевельника. Вспомнила, как он стоял в свете фонарей, с телефоном в руке, и смотрел на меня.

И я вспомнила, как Кристина сказала: «Он на тебя смотрел».

— Оль, — голос Кристины вывел меня из задумчивости.
— Ты чего застыла?

— Ничего, — я отошла от окна. — Пойду чай поставлю.

На кухне я включила чайник, достала кружки, пакетики с чаем. Двигалась автоматически, а мысли крутились вокруг одного и того же.

Его голос. Его слова. Его... тревога.

Почему он так испугался? Что ему до нас? До меня? Мы чужие люди. Он виноват в аварии, да, но это не его вина, что

самолёт пропал. Он не обязан был звонить. Не обязан был предлагать помощь. Не обязан был...

«Я испугался, что вы были бы на том самолёте».

Значит, он думал об этом. Думал о том, что могло случиться. И испугался.

Я поставила кружки на стол, насыпала заварку. Руки дрожали — то ли от невыпитого кофе, то ли от этого разговора, который выбил меня из колеи.

— Оль, — Кристина вошла на кухню, запахивая мой халат. — Ты как?

— Нормально, — я налила кипяток в кружки. — Просто... не ожидала.

— Чего?

— Что он позвонит. Что ему вообще есть до нас дело.

— Может, ему не всё равно, — повторила Кристина свою мысль. — Может, он правда переживает.

— С чего бы?

— С того, что он человек, — она села за стол, взяла кружку. — С того, что он, возможно, чувствует себя виноватым. И хочет это исправить.

— Деньгами? — я усмехнулась.

— Не только. Он же не предложил денег. Он предложил помощь. Реальную помощь.

Я замолчала.

Она была права. Он не сказал: «Я заплачу». Он сказал: «Я могу помочь с документами, с информацией». Это было

другое. Это было... человеческое.

— Может, и правда перезвонить? — сказала я, скорее спрашивая себя, чем Кристину.

— Если хочешь, — она пожала плечами. — Но не думай, что я тебя заставляю. Решай сама.

Я смотрела на телефон, который лежал на столе.

Одно сообщение. Непрочитанное.

Я взяла его, открыла.

«Ольга, это Андрей. Мой номер, если передумаете. Буду на связи 24/7. Держитесь».

Я прочитала это сообщение пять раз.

«Буду на связи 24/7».

Кто так пишет в наше время? Кто предлагает помощь незнакомому человеку, зная, что ему, скорее всего, откажут? Кто не давит, не угрожает, не пытается купить, а просто оставляет номер и говорит «позвоните, если понадобится»?

Я отложила телефон.

— Потом, — сказала я. — Потом решу.

Кристина кивнула, не настаивая.

Мы пили чай в тишине, каждая думала о своём. Я — о странном мужчине, который почему-то решил, что должен мне помочь. Кристина — о чём-то своём, о чём она не говорила вслух, но что читалось в её глазах.

В двенадцать часов пришла Инга.

Она выглядела уставшей — круги под глазами, бледное лицо, но держалась ровно, собранно.

— Новости есть? — спросила она, снимая куртку.

— Нет, — ответила я. — Всё тихо.

— Я звонила в МЧС, — сказала Инга, проходя на кухню.

— Сказали, что поиски продолжаются, но погода ухудшается. Могут приостановить операцию.

— Приостановить? — Кристина побледнела. — Как приостановить?

— Шторм, — Инга села за стол. — В том районе начинается сезон дождей. Поиски могут затянуться.

— Затянуться, — повторила я, и это слово прозвучало как приговор.

Мы молчали.

— Я думала, может, нам стоит нанять частного детектива, — сказала Инга. — Или адвоката. Кто-то, кто разбирается в международном праве, в авиационных расследованиях.

— Это дорого, — заметила Кристина.

— Дорого, — согласилась Инга. — Но у нас есть кое-какие сбережения. Я могу внести свою часть.

— И я, — сказала Кристина. — И родители, наверное, смогут помочь.

— Я тоже, — кивнула я.

Но я знала, что наших сбережений недостаточно. Хороший адвокат стоит больших денег. А международное расследование — тем более.

И тут я вспомнила про Андрея.

О его предложении помощи. О его связях, деньгах, воз-

можностях.

— Есть один вариант, — сказала я осторожно.

— Какой? — Инга посмотрела на меня.

Я рассказала.

О звонке, о его предложении, о том, что я послала его, и о том, что он оставил номер.

Инга слушала внимательно, не перебивая.

— Значит, тот самый тип из аварии? — спросила она, когда я закончила.

— Да.

— И он предложил помощь.

— Да.

— И ты его послала.

— Да.

Инга помолчала.

— Перезвони ему, — сказала она.

— Что? — я не ожидала такого прямого ответа.

— Перезвони, — повторила Инга. — Если у него есть связи, если он может помочь — глупо отказываться. Нам сейчас нужна любая помощь. Даже от того, кто нам неприятен.

— Он не неприятен, — возразила я. — Просто... я не хочу быть обязанной.

— Оль, — Инга посмотрела на меня серьёзно. — Речь идёт о наших подругах. О Маше, Жене, Даше. Если этот человек может помочь их найти — какая разница, будем мы ему обязаны или нет?

Я молчала.

Она была права. Она была абсолютно права.

— Хорошо, — сказала я. — Я подумаю.

— Не думай долго, — сказала Инга. — Время работает против нас.

Она ушла через час, оставив меня с кружкой остывшего чая и телефоном, на котором светилось его сообщение.

Я смотрела на экран и думала.

О том, что Инга права. О том, что сейчас не время для гордости. О том, что если этот человек может помочь — я должна переступить через свою злость, через свою обиду, через свою неловкость.

Но я не могла.

Не могла заставить себя набрать этот номер. Не могла услышать его голос — спокойный, уверенный, такой... чужой.

— Оль, — Кристина подошла сзади, положила руку мне на плечо. — Ты как?

— Не знаю, — я повернулась к ней. — Не знаю, что делать.

— Может, не надо ничего решать сегодня? — предложила она. — Поспи. Отдохни. Завтра будет новый день.

— Завтра, — я кивнула. — Завтра решу.

Я легла на диван, укрылась пледом, закрыла глаза. Но сон не шёл.

Перед глазами стояло его лицо — то, которое я видела

в тот вечер, в свете фонарей. Резкие черты, глубокие глаза, твёрдая линия губ.

И его голос.

«Я испугался».

Я открыла глаза, посмотрела в потолок.

— Кто ты, Андрей? — прошептала я в пустоту. — И почему ты не можешь оставить меня в покое?

Ответа не было.

Только снег за окном, белый, бесконечный, падающий на спящий город, и телефон, в котором ждал своего часа его номер.

Номер человека, который почему-то решил, что должен мне помочь.

И который, возможно, был прав.

Глава 4

Я так и не позвонила ему в тот день.

И на следующий тоже.

Мысли об Андрее отступили на второй план — их вытеснили новости, которые становились всё тревожнее. На четвёртый день поисков спасатели обнаружили обломок крыла. Сначала все подумали — это оно. Наконец-то. Но экспертиза показала: обломок принадлежал самолёту другой модели, потерпевшему крушение два года назад. Надежда, вспыхнувшая ярким пламенем, погасла так же быстро, как и зажглась.

Родители Маши, Жени и Даши приходили ко мне каждый день. Мы сидели на кухне, пили бесконечный чай, смотрели новости, звонили в авиакомпанию, в МЧС, в посольство. Инга приносила распечатки с форумов, где родственники других пассажиров обменивались информацией. Кристина сидела в интернете, выискивая любые, даже самые невероятные версии.

Чат, который мы создали, разросся до сорока человек — к нам присоединились другие семьи, другие люди, чьи близкие были на том рейсе. Мы стали маленьким сообществом, объединённым общим горем, общей надеждой, общей беспомощностью.

На пятый день, четвёртого января, я проснулась от того,

что кто-то настойчиво звонил в домофон.

Я посмотрела на часы — половина десятого. Кристина, которая ночевала у меня, спала на диване, свернувшись калачиком. Я накинула халат, вышла в прихожую, нажала кнопку переговорного устройства.

— Слушаю, — мой голос был хриплым со сна.

— Ольга, это Андрей, — раздалось из динамика.

Я замерла.

Андрей.

Тот самый.

— Что вы здесь делаете? — спросила я, и в голосе прозвучало больше удивления, чем злости.

— Я хотел бы поговорить с вами, — сказал он. — Если вы не против. Я понимаю, что это неожиданно, но... я привёз кое-что, что может вам помочь.

Я молчала, сжимая трубку домофона.

— Пожалуйста, — добавил он, и в этом «пожалуйста» было столько искренности, что у меня сжалось сердце. — Я не займу много времени. Если вы скажете уйти — я уйду.

Я посмотрела на дверь, потом на спящую Кристину, потом снова на домофон.

— Ждите, — сказала я и нажала кнопку, открывающую подъезд.

Сердце колотилось где-то в горле. Я быстро прошла на кухню, поправила волосы, одёрнула халат — и тут же рассердилась на себя за это движение. Какая разница, как я выгля-

жу? Я не собираюсь ему нравиться. Я вообще не собираюсь его пускать, если он скажет что-то не то.

Раздался стук в дверь.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи и открыла.

Он стоял на пороге, и я впервые видела его при дневном свете. В тот вечер, у аэропорта, всё было в полутьме, в мелькании фар и фонарей. Теперь же я могла рассмотреть его по-настоящему.

Андрей был высоким — выше меня на голову, с широкими плечами, которые обтягивало тёмно-синее пальто. Волосы — русые, слегка растрёпанные морозом. Лицо — с резкими, мужскими чертами: высокий лоб, прямой нос, твёрдая линия подбородка. И глаза — серые, глубокие, с каким-то странным, тревожным выражением.

В руках он держал букет белых хризантем.

— Здравствуйте, — сказал он, и его голос был тише, чем в прошлый раз, осторожнее. — Это вам.

Он протянул цветы, и я машинально взяла их, хотя внутри всё кричало: не бери, не принимай, не позволяй ему думать, что ты смягчилась.

— Заходите, — сказала я, отступая в сторону. — Только тихо, Кристина спит.

Он кивнул и шагнул через порог. В прихожей стало тесно — он занимал слишком много места, этот большой, уверенный в себе мужчина, который сейчас, почему-то, выглядел неуверенным.

— Проходите на кухню, — я повела его за собой, поставила цветы в вазу, которую нашла в шкафу. — Садитесь.

Он сел за стол, положил перед собой кожаный портфель, который я сначала не заметила. Кристина спала в гостиной, дверь была прикрыта, и я надеялась, что она не проснётся. Мне нужно было поговорить с ним наедине.

— Кофе? Чай? — спросила я, скорее из вежливости, чем из желания его угощать.

— Спасибо, не нужно, — он покачал головой. — Я не надолго.

Я села напротив него, сложила руки на столе, сцепив пальцы, чтобы они не дрожали.

— Зачем вы приехали? — спросила я прямо. — Я же сказала по телефону, что мне не нужна ваша помощь.

— Я помню, — он посмотрел мне в глаза, и я не отвела взгляда, хотя хотелось. — Но я подумал... может, вы передумали. Или передумаете. И я хотел, чтобы у вас была возможность, если вы решите.

— Возможность? — я не поняла.

Он открыл портфель, достал несколько бумаг и положил их на стол передо мной.

— Здесь контакты адвокатов, которые специализируются на международном авиационном праве, — сказал он. — Я связался с ними, объяснил ситуацию. Они готовы помочь. Бесплатно.

— Бесплатно? — я удивилась. — Зачем?

— Потому что я их попросил, — он пожал плечами. — У нас... деловые отношения. Они согласились.

Я смотрела на бумаги, не решаясь их взять.

— Здесь также контакты человека из МЧС, который может предоставлять оперативную информацию по поискам, — продолжал Андрей. — Не ту, что дают в новостях, а реальную. Он будет звонить вам лично, как только появляется что-то новое.

— И это тоже бесплатно? — спросила я с иронией.

— Да, — он не заметил иронии или сделал вид, что не заметил. — И здесь... — он достал ещё один лист, — контакты частного детектива, который работает в том регионе. Он может выехать на место поисков, если понадобится.

Я смотрела на эти бумаги, и внутри меня боролись два чувства. Одно говорило: возьми, это может помочь, это шанс, это возможность узнать что-то реальное. Другое кричало: не бери, ты будешь обязана, он купит тебя, как хотел с самого начала.

— Зачем вы это делаете? — спросила я, и голос прозвучал глухо. — Зачем вам всё это?

Андрей помолчал. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, что я не могла прочитать. Какая-то смесь решимости и... боли?

— Потому что я чувствую себя виноватым, — сказал он наконец. — Не только за аварию. За то, что вы не успели на тот рейс. За то, что ваши подруги...

Он не договорил.

— Вы не виноваты в том, что самолёт пропал, — сказала я, и эти слова прозвучали неожиданно даже для меня.

— Знаю, — он кивнул. — Но если бы не авария... вы были бы на том рейсе.

— И возможно, мы бы тоже пропали, — закончила я за него. — Вы хотите сказать, что спасли нам жизнь?

— Я хочу сказать, — он говорил медленно, подбирая слова, — что я не могу изменить то, что случилось. Не могу вернуть тот самолёт. Не могу вернуть ваших друзей. Но я могу попытаться помочь вам сейчас. Чем угодно.

Я смотрела на него, и моё сердце билось где-то в горле. В его голосе не было фальши. Не было той деловой холодности, которая бесила меня в первый вечер. Не было попытки купить меня деньгами или связями.

Было что-то другое.

Что-то, что я не хотела признавать.

— Вы даже не знаете нас, — сказала я. — Мы для вас чужие люди.

— Это не имеет значения, — он покачал головой. — Я не могу просто... не могу сделать вид, что ничего не случилось. Я думал об этом все эти дни. О том, что вы здесь, ждёте, надеетесь, а я... я могу помочь. И если я не помогу, я никогда себе этого не прощу.

Я молчала.

В кухне было тихо — только часы тикали на стене, отсчи-

тывая секунды. За окном падал снег, крупный, белый, засыпающий город. Кристина спала в гостиной, не подозревая, что здесь, на кухне, решается что-то важное.

— Почему вы приехали сами? — спросила я. — Могли бы прислать курьера. Или просто скинуть контакты в сообщении.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела что-то, что заставило моё сердце пропустить удар.

— Потому что я хотел увидеть вас, — сказал он. — И убедиться, что вы в порядке.

Это было слишком.

Слишком честно. Слишком прямо. Слишком... лично.

— Я в порядке, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Насколько это возможно в моей ситуации.

— Я знаю, — он кивнул. — Я читал новости. Следил за поисками.

— Зачем? — я не понимала. — Зачем вам это?

— Потому что мне не всё равно, — сказал он просто. — Потому что с того вечера, когда мы столкнулись у аэропорта, я не могу перестать о вас думать.

Я замерла.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, опасные, непозволительные.

— Вы меня даже не знаете, — повторила я свою старую мантру.

— Я знаю, что вы сильная, — сказал он. — Знаю, что

вы не бросили подругу в больницу. Знаю, что вы не берёте деньги от незнакомцев, даже когда они предлагают помощь. Знаю, что вы... вы особенная.

— Вы меня идеализируете, — я покачала головой. — Вы видели меня один раз, при самых ужасных обстоятельствах. Вы не знаете меня. Не знаете, какая я на самом деле.

— Тогда дайте мне возможность узнать, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая искренность, что у меня перехватило дыхание.

Я молчала, сцепив пальцы так сильно, что они побелели.

— Андрей, — сказала я наконец. — Я не могу сейчас... не могу думать об этом. Мои подруги пропали. Мои подруги, которых я люблю, с которыми мы вместе учились, вместе строили планы, вместе... — голос сорвался, и я замолчала, пытаюсь взять себя в руки.

— Я понимаю, — он не пытался меня утешить, не протянул руку, не сделал ничего, что могло бы показаться навязчивым. Просто сидел и смотрел на меня с этим странным, тревожным выражением в глазах. — Я не прошу вас думать обо мне. Я прошу только... позволить мне помочь.

— А если я скажу нет? — спросила я.

— Тогда я уйду, — сказал он. — И больше не буду вас беспокоить. Но эти контакты... — он кивнул на бумаги, — они останутся у вас. Вы можете воспользоваться ими, когда захотите. Или не пользоваться. Это ваш выбор.

Я смотрела на него, и внутри меня что-то таяло.

Этот человек, который ворвался в мою жизнь так же внезапно, как в ту новогоднюю ночь в наше такси, снова стоял на пороге — теперь уже моего дома, моей кухни, моей души — и предлагал помощь. Не деньги. Не извинения. Не попытку купить моё прощение.

Помощь.

Реальную, конкретную помощь.

— Хорошо, — сказала я, и это слово далось мне с трудом. — Я... я возьму контакты. И, возможно, воспользуюсь ими.

Его лицо не изменилось, но я заметила, как расслабились его плечи, будто он держал напряжение, не зная, что я отвечу.

— Спасибо, — сказал он. — Если что-то понадобится — звоните. В любое время.

Я кивнула, не в силах говорить.

Он встал из-за стола, и кухня сразу стала больше. Я поднялась следом, чувствуя себя маленькой, потерянной, неуверенной.

— Я провожу вас, — сказала я.

В прихожей он остановился, надел перчатки, поправил пальто. Я стояла рядом, сцепив руки за спиной, и не знала, что сказать. Прощание с ним было каким-то неправильным — слишком быстрым, слишком... незаконченным.

— Ольга, — он повернулся ко мне. — Я хочу извиниться.

— Вы уже извинились, — напомнила я.

— Нет, — он покачал головой. — За аварию я извинился.

А сейчас я хочу извиниться за то, что... за то, что врываюсь в вашу жизнь. За то, что звоню, приезжаю, предлагаю помощь, когда вы, возможно, хотите, чтобы вас оставили в покое.

— Я хочу, чтобы мои подруги вернулись, — сказала я. — Всё остальное... неважно.

— Для меня важно, — сказал он. — То, что вы чувствуете, для меня важно.

Я посмотрела на него, и впервые за всё время в моих глазах не было злости. Только усталость. И ещё что-то — какая-то странная, незнакомая теплота, которая пугала меня больше, чем его настойчивость.

— Вы странный, — сказала я, и это прозвучало почти как комплимент.

— Я знаю, — он улыбнулся — впервые за всё время, и улыбка изменила его лицо, сделав его моложе, проще, человечнее. — Мне часто говорят.

— Наверное, потому что вы богатый бизнесмен, который должен быть циничным и расчётливым, а вы вместо этого привозите цветы незнакомым девушкам и предлагаете помощь адвокатов бесплатно.

— Может быть, — он пожал плечами. — А может, я просто... не хочу быть таким, каким меня хотят видеть.

Я смотрела на него, и в голове крутилась одна мысль: он не такой, как я думала. Не такой, каким казался в тот вечер у аэропорта. Не такой, как все эти богатые, уверенные в себе мужчины, которые смотрят на мир свысока.

Он был... другим.

— Спасибо за цветы, — сказала я. — И за контакты.

— Не за что, — он открыл дверь, и в подъезд ворвался холодный воздух. — Берегите себя, Ольга.

— Вы тоже, — ответила я, хотя это прозвучало глупо.

Он кивнул и вышел. Я закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как колотится сердце.

— Это был он? — голос Кристины заставил меня вздрогнуть.

Я обернулась — она стояла в дверях кухни, закутанная в плед, с любопытством глядя на меня.

— Ты проснулась?

— Давно, — она усмехнулась. — С того момента, как он сказал «потому что я хотел увидеть вас».

— Ты всё слышала? — я покраснела.

— Всё, — Кристина прошла в прихожую, заглянула в кухню. — О, цветы! Красивые. И пахнут вкусно.

— Он привёз контакты адвокатов и детективов, — сказала я, возвращаясь на кухню. — Сказал, что они помогут бесплатно.

— Бесплатно? — Кристина удивилась. — Это... щедро.

— Он сказал, что у него с ними деловые отношения.

— Ага, — Кристина села за стол, взяла бумаги, начала их рассматривать. — Вау... это серьёзные люди. Я слышала об этой адвокатской конторе. Они очень дорогие.

— Он сказал, что они согласились помочь бесплатно.

— И ты ему веришь?

Я помолчала.

— Верю, — сказала я наконец.

Кристина посмотрела на меня с любопытством.

— Ты смягчилась, — сказала она. — Раньше ты бы сказала, что он пытается тебя купить.

— Раньше я не знала его, — ответила я. — А теперь... я не знаю. Может быть, я начинаю понимать.

— Понимать что?

— Что не все люди делятся на плохих и хороших. Что он... он просто человек, который сделал ошибку. И который пытается её исправить.

— Или который пытается произвести на тебя впечатление, — заметила Кристина.

— Может быть, — я пожала плечами. — Но даже если так... его помощь может быть полезной. Для нас. Для поисков.

— Для поисков, — повторила Кристина. — Да, это важно. Она отложила бумаги, посмотрела на меня.

— Оль, — сказала она. — А что ты чувствуешь? К нему?

— Ничего, — слишком быстро ответила я.

— Врёшь, — Кристина усмехнулась. — Я тебя знаю. Ты покраснела, когда он сказал, что хочет тебя увидеть.

— Я не краснела, — я отвернулась к окну, чтобы она не видела моего лица.

— Краснела, — настаивала Кристина. — И ещё ты смот-

рела на него так... я не знаю. Как будто он тебе интересен.

— Крис, — я повернулась к ней. — Мои подруги пропали. Я не могу сейчас думать о... о мужчинах. О нём. О чём бы то ни было, кроме поисков.

— Я понимаю, — Кристина стала серьёзной. — Но знаешь... может, это не помеха. Может, наоборот — он может помочь. И не только адвокатами.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что ему не всё равно, — сказала Кристина. — Он переживает. Он приехал, привёз цветы, контакты, предложил помощь. Он мог бы просто скинуть всё сообщением. Но он приехал. Лично. Чтобы увидеть тебя.

— Может, он просто хотел убедиться, что я не собираюсь подавать на него в суд, — попыталась пошутить я, но шутка вышла плоской.

— Не смешно, — Кристина покачала головой. — Оль, ты умная девушка. Ты видишь, что он искренен.

— Вижу, — призналась я. — И это пугает.

— Почему?

— Потому что я не готова. Потому что сейчас не время. Потому что... — я замолчала, подбирая слова. — Потому что если я позволю себе чувствовать что-то к нему, это будет означать, что я принимаю то, что случилось. Что я смиряюсь с тем, что их нет. А я не хочу смириться. Я хочу верить, что они вернутся.

Кристина подошла ко мне, обняла.

— Оль, — сказала она тихо. — Чувствовать что-то к нему — не значит смиряться. Не значит перестать ждать. Ты можешь и ждать, и... жить. Это не исключает друг друга.

— Я не знаю как, — я уткнулась лицом ей в плечо. — Я не знаю, как жить, когда они там, а я здесь. Когда я не знаю, живы они или нет. Когда каждый день приносит новые новости, которые ничего не значат.

— Мы будем учиться, — Кристина погладила меня по голове. — Вместе. Ты, я, Инга, Лера. Мы будем учиться ждать и жить одновременно.

— Ты веришь, что они вернутся? — спросила я, поднимая голову.

Кристина помолчала.

— Я хочу верить, — сказала она. — Я очень хочу верить. Но я не знаю. Я просто... я не знаю.

Мы стояли в прихожей, обнявшись, и за окном падал снег, белый, бесконечный, засыпающий этот город, эту страну, этот мир, который продолжал жить, пока мы замерли в ожидании.

Вернувшись на кухню, я взяла бумаги, которые оставил Андрей, и внимательно их рассмотрела.

Три листа. Три контакта. Три человека, которые могли помочь.

Адвокат — Пётр Сергеевич Воронов, специалист по международному авиационному праву. Контакт в МЧС — полковник Алексей Николаевич Соболев, начальник отдела по

взаимодействию с общественностью. Частный детектив — Дмитрий Андреевич Ковальчук, работающий в Юго-Восточной Азии.

На каждом листе были не только имена и номера телефонов, но и краткая информация о том, чем именно этот человек может помочь. И внизу — приписка, сделанная от руки, аккуратным, разборчивым почерком: «Я уже всё обсудил с ними. Можете звонить в любое время. Если нужна будет помощь с формулировками — я на связи. Андрей».

Я провела пальцем по этим словам, чувствуя под пальцами след ручки, его ручки. Он сидел где-то, писал это, думал о нас, о том, как помочь.

— Что будешь делать? — спросила Кристина.

— Позвоню, — сказала я. — Всем троим.

— Прямо сейчас?

— Да. Чего ждать?

Я взяла телефон, набрала первый номер — адвоката.

Трубку сняли после второго гудка.

— Пётр Сергеевич Воронов, слушаю.

— Здравствуйте, — я говорила, и голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Меня зовут Ольга. Мне дал ваш контакт Андрей...

— Да-да, — голос адвоката был спокойным, деловым. — Андрей Владимирович предупреждал. Вы по поводу рейса 472?

— Да, — я сжала телефон сильнее. — Мои подруги были

на том рейсе.

— Понимаю. Чем могу помочь?

— Мы хотим знать, что происходит с поисками. Официальная информация слишком... общая. Мы хотим понимать, что делается на самом деле.

— Это понятно, — сказал Воронов. — Я могу подготовить запрос в авиакомпанию и в международные организации. Также могу сопровождать вас на встречах с представителями перевозчика, если такие будут. И, если понадобится, представлять ваши интересы в суде.

— В суде? — я удивилась.

— Пока рано об этом говорить, — поспешил добавить он. — Но нужно быть готовыми ко всему. К сожалению, практика показывает, что авиакомпании часто пытаются минимизировать выплаты и уйти от ответственности.

— Меня не интересуют выплаты, — сказала я. — Меня интересует, чтобы моих подруг нашли.

— Я понимаю, — голос Воронова стал мягче. — Но юридическая поддержка может помочь и в этом. Через суд можно обязать авиакомпанию предоставлять более полную информацию о ходе поисков. Можно добиться привлечения независимых экспертов. Есть много способов.

— Хорошо, — я почувствовала, как во мне просыпается что-то похожее на надежду. — Что мне нужно делать?

— Приезжайте ко мне в офис. Я подготовлю документы. И... Ольга, да?

— Да.

— Держитесь. Мы что-нибудь придумаем.

Я сбросила вызов и посмотрела на Кристину. Она сидела, затаив дыхание.

— Ну? — спросила она.

— Он сказал, что может помочь. Через суд можно обязать авиакомпанию предоставлять больше информации.

— Это... это здорово, — Кристина выдохнула. — Это реально?

— Не знаю, — я покачала головой. — Но попробовать стоит.

Я набрала второй номер — контакт в МЧС.

— Полковник Соболев, — ответил мужской голос, тоже спокойный, но более усталый.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич. Меня зовут Ольга, мне дал ваш номер Андрей...

— Да, помню, — он вздохнул. — Слушайте, я буду с вами честен. Официально я не могу предоставлять информацию, которая не прошла утверждение. Но я могу сказать вам то, что знаю. Неофициально.

— Пожалуйста, — я затаила дыхание.

— Поиски продолжаются, — сказал он. — Но погода ухудшается. В ближайшие дни может быть принято решение о приостановке активной фазы.

— Приостановке? — сердце ухнуло вниз.

— Да. Это не значит, что их не будут искать. Просто ак-

тивные поиски с привлечением авиации и крупных судов могут быть временно прекращены до улучшения погодных условий.

— А тела? — спросила я, и Кристина, услышав это, побледнела. — Если они... если они...

— Пока ничего не найдено, — сказал Соболев. — Ни обломков, ни... ничего. Это может означать, что самолёт упал в воду и затонул целиком. Или что он изменил курс и находится в другом районе. Мы рассматриваем все версии.

— Вы верите, что они могут быть живы? — спросила я, и в голосе прозвучала такая надежда, что мне стало стыдно.

Полковник помолчал.

— Я не могу исключать такую возможность, — сказал он наконец. — Пока нет доказательств обратного, мы не можем исключать ничего.

Я сбросила вызов, и руки мои дрожали.

— Он сказал, что поиски могут приостановить, — сказала я Кристине. — Из-за погоды.

— Это... это плохо, — она побледнела. — Это значит, что они...

— Это не значит ничего, — перебила я. — Это значит, что погода плохая. И ничего больше.

Я взяла третий лист — частный детектив. Набрала номер.

— Ковальчук, — ответил мужской голос с лёгким южным акцентом.

— Дмитрий Андреевич? Это Ольга, мне дал ваш номер

Андрей...

— А, тот самый рейс, — он говорил быстро, энергично.
— Слушайте, я уже начал работать. Андрей меня попросил, я вылетаю завтра.

— Вылетаете? — я не поняла.

— Да, в Таиланд. Буду на месте. Поговорю с местными властями, с рыбаками, с кем надо. У меня там есть знакомые. Может, что-то удастся узнать.

— Но... зачем? — я растерялась. — Вы же нас даже не знаете.

— А я не вас знаю, — он усмехнулся. — Я Андрея знаю. Он хороший человек. Если он просит — значит, надо. И потом, — его голос стал серьёзнее, — я сам хочу помочь. У меня дочь примерно вашего возраста. Если бы с ней что-то случилось, я бы хотел, чтобы кто-то сделал всё возможное.

У меня перехватило горло.

— Спасибо, — выдавила я. — Спасибо вам.

— Не за что. Я буду держать вас в курсе. Если что-то узнаю — сразу позвоню. Договорились?

— Договорились.

Я сбросила вызов и уронила телефон на стол.

— Он вылетает в Таиланд, — сказала я. — Завтра. Будет искать на месте.

— Андрей попросил? — Кристина смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Да. Он уже всё организовал.

Мы молчали.

Я смотрела на бумаги, на цветы в вазе, на телефон, на котором светилось его сообщение: «Буду на связи 24/7».

— Он серьёзно, — сказала Кристина. — Он реально хочет помочь.

— Серьёзно, — я провела рукой по лицу. — И я не знаю, что с этим делать.

— Может, ничего и не надо делать, — Кристина пожала плечами. — Может, надо просто принять помощь. И поблагодарить.

— Я поблагодарю, — я взяла телефон. — Сейчас.

Я открыла чат, нашла его сообщение. Написала:

«Андрей, спасибо. Я поговорила со всеми. Дмитрий Андреевич сказал, что вылетает завтра. Я... я не знаю, как благодарить. Это очень много для меня значит».

Отправила.

Ответ пришёл через минуту:

«Не за что. Держитесь. Я рядом».

Я смотрела на эти слова — «я рядом» — и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Что-то, чему я не давала имени, чего боялась, от чего отгораживалась все эти дни.

Я не знала, что это.

И была не готова это знать.

Но где-то глубоко, под слоем боли, страха, надежды и отчаяния, что-то начинало расти.

Что-то новое.

Что-то, что могло стать либо спасением, либо ещё одной болью.

Время покажет.

Глава 5

Следующая неделя превратилась в бесконечную череду кабинетов, очередей, подписей и пустых обещаний.

Я думала, что самое страшное уже позади — авария, новость о пропавшем самолёте, первые дни ожидания, когда каждый звонок заставлял сердце замирать, а каждое сообщение в чате — надеяться на чудо. Но я ошибалась. Бюрократия оказалась хуже. Гораздо хуже.

Она была бездушной. Холодной. Равнодушной.

Она превращала наше горе — живое, острое, кровоточащее — в кипу бумаг, в номера дел, в пункты протоколов и параграфы инструкций. Она заставляла нас доказывать, что наши подруги действительно существуют, что они действительно сели на тот самолёт, что мы действительно имеем право знать, что происходит с поисками.

— Это возмутительно, — сказала Инга, когда мы впервые пришли в офис авиакомпании. Она стояла у стойки информации, сжимая в руках папку с документами, и её лицо было красным от гнева. — Мы уже третий час ждём! Где обещанный представитель?

Девушка за стойкой — молодая, с идеальным макияжем и дежурной улыбкой — развела руками.

— Приношу извинения за ожидание. Наш сотрудник скоро подойдёт.

— Скоро — это через час? Через два? — Инга повысила голос, и несколько человек в очереди обернулись. — Мои подруги пропали! Понимаете? Пропали! А я стою здесь и жду, как на приёме у стоматолога!

— Инга, — я взяла её за руку. — Не надо. Толку не будет.

— А что надо? — она повернулась ко мне, и я увидела в её глазах слёзы — не гнева, а бессилия. — Что нам надо делать, чтобы нас услышали?

Я не знала ответа. Но я знала, что скандалом мы ничего не добьёмся.

За последние дни я успела усвоить одно простое правило: в этой системе побеждает не тот, кто громче кричит, а тот, кто лучше подготовлен. У кого больше бумаг. У кого правильнее заполнены заявления. У кого есть знакомства.

И у нас, благодаря Андрею, знакомства появлялись.

Мой телефон завибрировал. Я взглянула на экран — сообщение от него.

«Как дела в авиакомпании? Вам должны были назначить встречу на 11:00».

Я ответила: «Ждём уже третий час. Никого нет».

Ответ пришёл через минуту: «Дайте мне десять минут».

Я убрала телефон и посмотрела на Ингу. Она всё ещё стояла у стойки, сверля девушку взглядом, в котором читалось: «Я не уйду отсюда, пока не получу ответы».

— Инга, — я подошла к ней. — Давай сядем. Андрей скажет, что разберётся.

— Андрей? — она повернулась ко мне. — Тот самый?

— Да.

— И ты ему веришь?

Я помолчала.

— Верю, — сказала я.

Мы сели на пластиковые стулья в углу приёмной. Рядом сидели другие люди — родственники пассажиров, я узнавала их по бледным лицам, по красным глазам, по папкам с документами, которые они сжимали так же крепко, как мы. Мы не разговаривали друг с другом. Каждый был сам по себе, в своей боли, в своём ожидании.

Через семь минут из кабинета, который всё это время был закрыт, вышел мужчина в строгом костюме и направился прямо к нам.

— Ольга? Инга? — спросил он, оглядывая нас. — Меня зовут Игорь Викторович, я руководитель отдела по работе с родственниками пассажиров. Приношу извинения за ожидание. Пройдёмте в мой кабинет.

Мы переглянулись. Я посмотрела на телефон — Андрей не написал ничего нового. Но я знала, что это он.

Кабинет Игоря Викторовича был просторным, с большим столом, кожаными креслами и видом на заснеженный город. На столе стояла табличка с его именем и должностью, рядом — стопка папок, каждая с пометкой «Рейс 472».

— Присаживайтесь, — он указал на кресла. — Чем могу помочь?

Мы сели. Инга положила на стол свою папку, я — свою.

— Мы хотим знать, что происходит с поисками, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Официальная информация слишком общая. Мы хотим получать оперативные данные.

— Понимаю, — Игорь Викторович кивнул, и его лицо приняло сочувственное выражение, которое я уже научилась распознавать — профессиональное сочувствие, не имеющее ничего общего с настоящим. — Но, к сожалению, я не могу предоставить вам информацию, которая не утверждена нашим пресс-центром.

— А что вы можете? — спросила Инга, и в её голосе зазвенел металл.

— Я могу заверить вас, что авиакомпания делает всё возможное для скорейшего обнаружения самолёта. Мы сотрудничаем со спасательными службами, предоставляем всю необходимую техническую информацию. Также мы готовы оказать материальную помощь семьям пассажиров.

— Материальную помощь? — я услышала свой голос, и он показался мне чужим. — Вы предлагаете нам деньги?

— Это стандартная процедура в подобных ситуациях, — Игорь Викторович говорил спокойно, будто объяснял ребёнку, почему нельзя есть снег. — Мы понимаем, что семьи пассажиров несут дополнительные расходы в связи со сложившейся ситуацией.

— Наши подруги пропали, — сказала я, и голос дрогнул. — Они пропали. А вы предлагаете нам деньги, чтобы мы ку-

пили себе что-то? Чтобы утешились?

— Ольга, я вас прекрасно понимаю...

— Нет, — я встала, чувствуя, как гнев поднимается во мне тёмной волной. — Вы не понимаете. Вы сидите в этом кабинете, в этом кресле, за этим столом, и вы предлагаете нам деньги. А я хочу знать, где мои подруги. Я хочу знать, живы они или нет. Я хочу знать, что делается, чтобы их найти. Я не хочу ваших денег. Я хочу ответов.

— Ольга, — Инга встала рядом, положила руку мне на плечо. — Оль, давай спокойно.

Я глубоко вздохнула. Села обратно.

— Простите, — сказала я. — Я не должна была срываться.

— Всё в порядке, — Игорь Викторович смотрел на меня с тем же профессиональным сочувствием. — Я понимаю ваши эмоции. И я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вы получали актуальную информацию. Но вы должны понимать: есть процедуры, есть регламенты, есть ограничения, которые я не могу нарушать.

— Какие ограничения? — спросила Инга.

— Например, я не могу сообщать вам информацию, которая не прошла проверку. Это может навредить следствию. Но я могу гарантировать, что вы будете в числе первых, кто узнает новости, когда они появятся.

— Когда они появятся, — повторила я. — А если они не появятся?

Игорь Викторович помолчал.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал он.

Мы вышли из его кабинета через час. У нас были на руках новые документы, новые номера телефонов, новые обещания. Но ответов не было. Их не было ни у него, ни у нас, ни у кого-либо ещё.

— Ну и что мы узнали? — спросила Инга, когда мы вышли на улицу. Холод ударил в лицо, заставив поёжиться.

— Ничего, — я застегнула куртку. — Мы узнали, что они готовы платить.

— Деньги, — Инга усмехнулась. — Им лишь бы откупиться.

— Не откупятся, — сказала я. — Мы не позволим.

Мой телефон завибрировал. Сообщение от Андрея: «Всё прошло нормально? Игорь Викторович сказал, что вы были очень эмоциональны. Это хорошо. Так их быстрее прошибает».

Я не знала, смеяться мне или плакать. Написала: «Спасибо. Без вас нас бы не приняли так быстро».

«Без меня бы приняли. Просто позже. И с другим настроением. Я рад, что смог помочь».

Я убрала телефон.

— Что он пишет? — спросила Инга.

— Спрашивает, как прошло.

— И что ты ответила?

— Что спасибо.

Инга посмотрела на меня с каким-то новым выражением.

— Ты ему доверяешь, — сказала она. Это был не вопрос.

— Он помогает, — ответила я. — Реально помогает. И не просит ничего взамен.

— Пока не просит, — заметила Инга.

— Ты думаешь, он что-то задумал?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Но мужчины просто так не помогают. Особенно такие. У них всегда есть интерес.

— Может быть, — я не стала спорить. — Но пока его интерес нам на руку. А дальше — посмотрим.

Кристина присоединилась к нам на следующий день.

Врач выписал её окончательно, сняв все ограничения. Она приехала ко мне утром, с чемоданом вещей и решительным видом.

— Всё, — сказала она, переступая порог. — С меня хватит лежать. Я хочу быть полезной.

— Ты уверена? — я смотрела на неё с беспокойством. Голова не кружится?

— Не кружится, — она отмахнулась. — Я в полном порядке. Давай, рассказывай, что сделано, что предстоит.

Мы сели на кухне, и я выложила всё, что у нас было. Папки с документами, контакты адвокатов, распечатки с форумов, график встреч в авиакомпании и МЧС.

— Так, — Кристина взяла первый лист, начала изучать. — Адвокат — это хорошо. Контакт в МЧС — отлично. Детектив в Таиланде — вообще замечательно. Но этого мало.

— Мало? — Инга удивилась.

— Мало, — Кристина покачала головой. — Мы должны создать системную работу. Разделить обязанности. Кто-то занимается официальными запросами, кто-то — работой с родителями, кто-то — мониторингом информации в интернете и соцсетях.

— Ты права, — я почувствовала, как во мне просыпается что-то, что я считала уже умершим — энергия, желание действовать. — Давайте распределим.

Так родился наш маленький штаб.

Кристина взяла на себя работу с интернетом. Она создала несколько групп в соцсетях, где собирала всю информацию о рейсе 472 — новости, версии, свидетельства, технические данные. Она находила форумы, где обсуждали пропавший самолёт, общалась с другими родственниками, обменивалась контактами. Она была неугомонна — могла сидеть за ноутбуком часами, выискивая крупицы информации, которые могли бы помочь.

Инга взяла на себя работу с официальными инстанциями. Она обзванивала авиакомпанию, МЧС, посольство, министерство транспорта. Она знала все нужные номера телефонов, все имена чиновников, все процедуры. Она могла добиться встречи там, где другие получали отказ. Она была нашей тяжёлой артиллерией — настойчивой, жёсткой, негибкой.

Я взяла на себя работу с родителями. Я встречалась с ни-

ми каждый день, рассказывала о новых новостях, успокаивала, поддерживала. Я стала связующим звеном между официальными структурами и семьями пропавших. Я писала письма, заполняла документы, собирала подписи. Я была нашим голосом — спокойным, ровным, но твёрдым.

Андрей помогал нам всем.

Он организовал встречу с адвокатом Вороновым, который подготовил официальные запросы в авиакомпанию и международные организации. Он договорился, чтобы полковник Соболев звонил нам лично, когда появлялась новая информация. Он оплатил поездку детектива Ковальчука в Таиланд и его работу на месте.

И он делал всё это тихо, без лишнего шума, без попыток выставить себя героем.

Он просто был рядом.

И это было странно.

Странно — принимать помощь от человека, который ещё неделю назад был для меня олицетворением всего, что я ненавидела. Богатый, уверенный в себе, привыкший всё контролировать. Он был из другого мира — мира больших денег, деловых встреч, дорогих машин. А я... я была просто девушкой, у которой пропали подруги, которая жила от новости до новости, от звонка до звонка.

Но он не пытался меняться. Не пытался стать «проще». Он просто был собой — и этого оказалось достаточно.

— Ты часто о нём думаешь, — сказала Кристина однажды

вечером, когда мы сидели на кухне, пили чай и просматривали новости.

— О ком? — я сделала вид, что не поняла.

— Об Андрее.

— Я думаю о том, как найти подруг, — ответила я.

— Это не ответ, — Кристина посмотрела на меня внимательно. — Ты думаешь о нём. Я вижу.

— И что, если думаю? — я отложила телефон. — Он помогает. Я благодарна. Это нормально.

— Это нормально, — согласилась Кристина. — Но ты думаешь о нём не только как о помощнике. Я тебя знаю.

Я молчала.

— Он хороший, — сказала Кристина. — Я не знаю, какой он в жизни, но в том, как он помогает, есть что-то... настоящее. Он не просто откупается. Он реально вникает.

— Я знаю, — я провела рукой по лицу. — И это пугает.

— Почему?

— Потому что я не готова. Потому что сейчас не время. Потому что если я начну думать о нём, я перестану думать о них.

— Это не так, — Кристина покачала головой. — Ты можешь думать и о том, и о другом. Это не взаимоисключающие вещи.

— Для меня — взаимоисключающие, — я посмотрела на неё. — Я не могу позволить себе отвлекаться. Не сейчас.

Кристина хотела что-то сказать, но не стала. Только кив-

нула и снова взялась за телефон.

Я смотрела на неё, на Ингу, которая спала на диване в гостиной, укрывшись пледом, на бумаги, разложенные по всему столу, и чувствовала, как внутри меня растёт что-то, что я не могла назвать.

Не надежду. Не уверенность.

Что-то другое.

Что-то, что позволяло мне просыпаться утром и продолжать делать то, что нужно. Звонить, писать, ездить, ждать.

Мы стали командой — я, Кристина, Инга. Три девушки, которые не полетели в тот рейс по разным причинам. Кристина — из-за аварии. Инга — из-за работы. Я — из-за того, что осталась с Кристиной.

Мы были теми, кто остался.

И это стало нашим предназначением — ждать. Искать. Надеяться.

— Оль, — Кристина вдруг подняла голову от телефона.
— Смотри.

Она протянула мне телефон. На экране была новость — свежая, только что опубликованная.

«К месту поиска пропавшего самолёта направлены дополнительные спасательные суда. В операции задействованы авиация и подводные аппараты».

Я прочитала заголовок раз, другой, третий.

— Это хорошо, — сказала я. — Это значит, что они не остановили поиски.

— Да, — Кристина кивнула. — Не остановили.

— И не остановят, — добавила я. — Мы не позволим.

Я взяла телефон, открыла чат с Андреем. Написала: «Вы видели новости? Дополнительные суда направляют».

Ответ пришёл через минуту:

«Видел. Это хороший знак. Поиски продолжаются».

«Спасибо вам, — написала я. — За всё».

«Не за что. Я же сказал: я рядом».

Я смотрела на эти слова — «я рядом» — и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Что-то, чему я не давала имени. Что-то, что было похоже на...

Нет. Я не позволила себе закончить эту мысль.

— Он пишет? — спросила Кристина.

— Да, — я убрала телефон. — Говорит, что это хороший знак.

— Это хороший знак, — повторила она. — Может, и правда.

Мы сидели на кухне, пили чай, смотрели на заснеженный двор за окном, и ждали.

Ждали новостей, которых не было. Ждали чуда, которое, возможно, никогда не случится. Ждали подруг, которые, возможно, никогда не вернутся.

Но мы ждали.

Потому что это было единственное, что мы могли делать.

На восьмой день после исчезновения самолёта к нам присоединилась Лера.

Она приехала неожиданно, без предупреждения, с чемоданом и огромным пакетом продуктов.

— Я больше не могу сидеть дома, — сказала она, переступая порог. — Я схожу с ума. Я должна быть с вами.

Мы обняли её, и впервые за много дней я почувствовала, как что-то отпускает внутри. Не боль. Не страх. Но что-то, что держало меня в напряжении все эти дни.

Лера была другой. Она не умела быть серьёзной долго, не умела погружаться в бюрократию и анализировать новости. Но она умела быть рядом. Умела смешить, когда хотелось плакать. Умела напоминать, что жизнь продолжается.

— Ты чего привезла? — спросила Кристина, заглядывая в пакет.

— Еду, — Лера начала выкладывать продукты на стол. — Вы же тут, наверное, не едите нормально. Я знаю. Я тоже не ела. Но надо. Силы нужны.

— Откуда ты знаешь, что мы не едим? — спросила Инга.

— Потому что я бы тоже не ела, — Лера пожала плечами. — Но я подумала: если я приеду и заставлю вас есть, может, и сама поем.

Мы рассмеялись — впервые за всё это время. Смех получился странным, неуверенным, каким-то... непривычным. Но это был смех.

— Лерка, ты чудо, — сказала я.

— Знаю, — она улыбнулась. — А теперь давайте готовить ужин. Я привезла всё для салата. И шампанское.

— Шампанское? — Кристина подняла бровь.

— А что? — Лера достала бутылку. — Повод есть. Мы вместе. Мы живы. Мы ждём. Это уже повод.

Мы смотрели на неё, и в её глазах были слёзы, но она улыбалась. Улыбалась так, будто верила, что всё будет хорошо. Будто знала что-то, чего не знали мы.

— Давайте, — сказала Инга. — Давайте готовить.

Мы готовили ужин вчетвером — я, Кристина, Инга, Лера. Резали овощи, смешивали салат, накрывали на стол. В квартире пахло едой, жизнью, чем-то нормальным, обычным, таким, чего не было здесь уже больше недели.

За окном падал снег. Готовился к закату день. А мы сидели на кухне, ели, пили чай (шампанское осталось нетронутым — никто не решился его открыть) и говорили.

Говорили о Маше, о Жене, о Даше. Вспоминали смешные истории, пересматривали фотографии, смеялись и плакали одновременно.

— Помните, как Маша в универе перепутала аудитории? — спросила Лера. — Пришла на экзамен по физике, а там — зачёт по философии.

— И сдала! — засмеялась Кристина. — Она сидела полтора часа и писала про бытие и сознание, а потом профессор сказал, что это лучшая работа на курсе.

— Потому что она переписала из интернета, — усмехнулась Инга. — Я потом нашла ту статью. Слово в слово.

— Но она же сдала! — Лера развела руками. — И зачёт,

и потом физику пересдала.

— Она всегда была такой, — я улыбнулась. — Везучей. Слова застряли в горле.

Везучей.

Была.

Я посмотрела на Кристину, на Ингу, на Леру. Они тоже замолчали.

— Они вернутся, — сказала Лера. — Я знаю.

— Откуда? — спросила Инга.

— Не знаю, — Лера покачала головой. — Просто знаю.

Чувствую.

Мы молчали.

— Давайте выпьем за это, — сказала Кристина. — За то, что они вернутся.

Она взяла бутылку шампанского, открыла. Пена брызнула на стол, и мы рассмеялись — снова, сквозь слёзы, сквозь боль, сквозь всё.

— За Машу, Женю и Дашу, — сказала я, поднимая бокал.

— За них, — повторили остальные.

Мы выпили. Шампанское было сладким, тёплым, необычным после недели чая и воды.

— И за нас, — добавила Лера. — За тех, кто остался. Чтобы мы выдержали.

— Выдержим, — сказала Инга. — Куда мы денемся.

Мы сидели на кухне, пили шампанское, ели салат, смотрели на снег за окном и ждали.

Ждали подруг, которые, возможно, никогда не вернутся.
Но мы ждали.

Потому что это было единственное, что мы могли делать.
Мой телефон завибрировал. Сообщение от Андрея:

«Как вы?»

Я посмотрела на экран, потом на подруг — смеющихся, плачущих, живых.

«Держимся, — написала я. — Сегодня мы вместе. Это помогает».

«Хорошо, — ответил он. — Я рад. Спокойной ночи».

«Спокойной ночи».

Я убрала телефон.

— Андрей? — спросила Кристина.

— Да.

— Что пишет?

— Спрашивает, как мы.

— И что ты ответила?

— Что держимся.

Кристина посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты ему нравишься, — сказала она.

— Крис...

— Нет, ты послушай, — она отставила бокал. — Он звонит, пишет, приезжает, помогает. Мужчины так себя не ведут, если им просто нужна «благодарность». Ему нужно что-то большее.

— Даже если так, — я пожала плечами. — Сейчас не вре-

мя об этом думать.

— А когда будет время? — спросила Инга. — Когда их найдут? А если...

Она не договорила.

— Если, — повторила я. — Если их найдут. Если они вернутся. Тогда и будет время.

А если нет?

Я не сказала этого вслух, но мы все думали об одном и том же.

Что, если их не найдут? Что, если они никогда не вернутся? Что, если это ожидание станет нашей жизнью — бесконечным, безответным, опустошающим?

— Не надо, — сказала Лера, будто прочитав мои мысли. — Не надо думать об этом. Надо верить. Иначе зачем всё это?

— Ты права, — я кивнула. — Надо верить.

Я взяла телефон, открыла чат, который мы создали в первый день. Написала:

«Девочки, мы сегодня пьем за вас. Шампанское. Сладкое. Вы бы оценили. Мы вас ждём. Возвращайтесь».

Ответа не было.

Не было уже восемь дней.

И не будет, наверное, никогда.

Но я всё равно писала. Каждый день. Каждую ночь. Каждый раз, когда становилось слишком тяжело.

Я писала, потому что это было единственное, что я могла

делать.

Кроме ожидания.

Глава 6

Десятый день после исчезновения самолёта начался так же, как и все предыдущие, — с тишины.

Я проснулась от того, что кто-то ходил по кухне. Прислушалась — Кристина. Она всегда вставала раньше меня, варила кофе, смотрела новости, а потом будила меня с неизменным: «Ничего нового». Сегодня она не будила. Сегодня она просто ходила по кухне, и шаги её были тяжёлыми, какими-то... сдающимися.

Я села на кровати. Голова гудела — последствия бессонной ночи, когда я лежала в темноте и слушала, как за окном падает снег, и думала, думала, думала. О них. О том, где они. О том, живы ли. О том, что будет, если их не найдут.

— Оль? — Кристина заглянула в комнату. — Ты встала?

— Да, — я провела рукой по лицу. — Что-то случилось?

Она помолчала.

— Сегодня встреча в авиакомпании. В одиннадцать. Нас вызвали.

— Вызвали? — я не поняла. — Зачем?

— Не сказали. Сказали, что будет важная информация.

Важная информация.

Эти два слова заставили моё сердце биться быстрее. Важная информация — это могло быть что угодно. От «мы нашли обломки» до «поиски прекращены». От «есть выжив-

шие» до «никто не выжил».

— Мы поедem, — сказала я, вставая. — Все?

— Все, кто есть. Я, ты, Инга. Лера сказала, что останется с родителями, если новости будут плохими.

— Они не будут плохими, — сказала я, хот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.